

ИВАН ИВАНОВИЧ ЮХОВ. В годы Великой Отечественной войны — офицер штаба полка ночных бомбардировщиков, сформированного на Урале. Принимал участие в разгроме фашистов под Москвой. Воевал на Калининском, Воронежском, Брянском, Ленинградском и Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, многими медалями. После войны занимался журналистской работой. В настоящее время — на заслуженном отдыхе. Живет в Перми.

ДРУЗЬЯ МОИХ
ВОЕННЫХ ЛЕТСтраницы
из фронтовой тетради

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ И НОЧИ

Недавно, разбирая свои бумаги, я нашел старую фронтовую тетрадь. Страницы ее пожелтели, чернила поблекли, карандашные записи поистерлись. Но все же разобрать можно. Перелистываю, перечитываю, вспоминаю... Вот некоторые из этих страниц.

Осенью 1941 года я, как и многие мои товарищи — пермские журналисты, надел военную форму. Сначала предполагалось, что буду служить во фронтовой печати, но в военной обстановке не выбирают. Меня определили в авиационный полк на штабную работу, однако и здесь не обошлось без заковыки.

Воображение рисовало, что я буду заниматься не только штабной работой, но и сумею освоить летное дело, о котором уже имел некоторое представление. Теперь, думалось мне, сам бог велел познакомиться с авиацией. К тому же, по наивности своей, я был уверен, что воевать можно только на скоростной, хорошо вооруженной и защищенной броней машине. Представьте же мое разочарование, когда я узнал, что наш полк укомплектован аэроклубовскими самолетами У-2. Их лишь оснастили самодельными бомбодержателями и назвали «ночными бомбардировщиками». Если бы до войны кто-ни-

будь сказал, что нам доведется воевать и на фанерных тихоходах, мы бы в лучшем случае рассмеялись. Но факт был фактом. Война диктует свои условия.

Сначала фашисты, узнав, что против них действуют У-2, смеялись, окрестив нас презрительно «рус-фанер». Но фанерный бомбардировщик оказался на редкость живучим. По нему немцы палят, лупят всюю. В крыльях большие дыры, изрешечен фюзеляж, а он знай себе тарыхтит да летит, лишь бы не был поврежден мотор, жив да здоров был пилот.

«Королевской авиацией» в свою очередь любовно называли нас пехотинцы. Да и было за что. Наши ребята летали в любую погоду, с самых невероятных площадок, в самых невообразимых условиях. Были они воздушными извозчиками — надежно обеспечивали живую связь. Были снабженцами — доставляли продукты, боеприпасы, медикаменты. Были санитарами — помогали спасать тысячи и тысячи жизней. Были разведчиками — добывали ценные сведения о противнике. А самое главное — были ночными бомбардировщиками. Они могли поразить любой мостик, любой дом, любую, хотя бы и мелкую цель.

Хорошо об этом, на мой взгляд, недавно написал в своих воспоминаниях А. И. Шахурин, который в военные годы был наркомом авиационной промышленности:

«...Самолет Николая Николаевича Поликарпова воевал всю войну. Это был У-2 — учебно-тренировочный самолет, названный после смерти Н. Н. Поликарпова в 1944 году — По-2. Его любили все летчики за простоту и живучесть...

В конце 1941 года, когда перебазируемые на восток заводы еще не вошли в строй и промышленность не могла производить нужного количества авиационной продукции, было принято решение мобилизовать весь самолетный парк страны. Из штабов, тыловых частей, авиационных училищ, аэроклубов Осоавиахима, из Гражданского воздушного флота взяли и передали для боевых целей все самолеты, в том числе и устаревших марок... Так было положено начало ночной легко-моторной бомбардировочной авиации».

Наш полк был сформирован из летчиков и техников уральских аэроклубов и военных училищ. Большинство не имело никаких воинских званий. Начальником штаба, в помощники к которому я поступил, был старший лейтенант Вавилов. Мне присвоили звание младшего лейтенанта. Штурманом полка был определен опытный офицер капитан Борисенко, который сразу же взял надо мной шефство, обучая меня штурманскому делу. Штабной штат не был полностью укомплектован, и мне пришлось выполнять обязанности начальника связи и заниматься оперативными и кадровыми делами.

На должность командира полка к нам пришел кадровый летчик Степан Изосимов. Он внушал всем, что и на наших самолетах можно хорошо воевать, дело лишь за людьми, за мастерством и мужеством.

Учеба в запасном полку была недолгой. Технике пилотирования, самолетовождению в дневное время наших ребят учить не приходилось. Другое дело — полеты ночью. Их приходилось осваивать заново. Стрелки-бомбардиры все были новички, о бомбежке имели весьма смутное понятие и нуждались в основательной тренировке.

Собственно, на У-2 никаких приспособлений для бомбометания не было. Как мы шутили на первых порах, бомбить приходилось «по сапогу».

Однако фронт торопил. Немцы приближались к Москве. Погрузив свои «бомбардировщики» на железнодорожные платформы, мы в теплушках тронулись на запад. Вскоре прибыли в Подмоскovie, в маленький, деревянный городок. Здесь все дышало фронтом. По улицам ходили ополченцы с винтовками. Ночью все погружалось во мрак. Действовал комендантский час.

Трещали крутые морозы, но весь состав полка — техники, оружейники, летчики, стрелки дружно и горячо работали на сборке машин. Не раз и не два на дню объявлялась воздушная боевая тревога, и все прятались по укрытиям. Высоко в

небе появлялись фашистские самолеты, но, опасаясь наших зениток, пролетали стороной.

В один из таких дней мне довелось с летчиком Владимиром Слукком слетать для ознакомления с местностью. Поднялись на высоту восемьсот метров. Внизу пустынно. Грустно стоят покрытые снегом леса. Хорошо просматриваются полосы железных дорог. Густо заселено Подмосковье. Ориентироваться трудно. Приходится строго руководствоваться компасом и картой. Оплошки допускать нельзя. Ведь линия фронта совсем рядом. Холодно. Ветер сечет лицо. Мороз дает о себе знать. Особенно его чувствуешь во второй кабине. Однако настороженность берет верх. А что будет, если встретимся с немецкой «пташкой»? Удастся ли увильнуть от нее? Наша машина — тихоход, для защиты на ней нет даже пулемета. Но никаких происшествий, первый мой полет прошел благополучно.

Декабрь. Мы в Туле. Город перепоясан баррикадами. Окна магазинов наглухо забиты досками. Всюду следы вражеских бомбардировок. Пелелища, разрушения. На площадях и во дворах домов стоят наготове зенитные пулеметы, пушки.

На аэродроме Мясново ангары сожжены. Наши У-2, истребители и тяжелые бомбардировщики расположились в открытом поле. Машины все время прогреваются, и непрерывно стоит глухой гул моторов.

Первыми в нашем полку боевое крещение принимают Евгений Кузнецов, Федор Шитиков, Владимир Слук, Иван Макаренко.

Журнал боевых действий скупно и кратко фиксирует боевые вылеты. Вот, к примеру, в журнале записано: «1 января 1942 года летчик Кузнецов летал на связь. Был атакован «мессером», ушел от него, а самолет противника врезался в утес, загорелся, вражеский летчик погиб. Летчик Кузнецов задание выполнил». И это — все... Сухо изложены факты. На

самом же деле сколько мужества и отваги проявляют наши ребята! Вот полетел в разведку Федор Шитиков. Он осмотрел железную дорогу Тула — Козельск — Белев. В районе Белева его атаквали два «мессера». Он посадил самолет в лес, и враги потеряли его из виду. После ухода противника Шитиков с непригодной площадки взлетел и благополучно прибыл домой.

Летчик Василий Хомяков доставил боевой приказ генералу Белову, за что получил от него благодарность. В журнале не сказано, что Хомяков летал в сильный бурян при отсутствии нормальной видимости. Такой полет мог успешно совершить только незаурядный пилот, большой мастер своего дела.

В Туле долго мы не задерживаемся. Наши войска гонят фашистов. 50-я армия, которой мы приданы, овладела Калугой. Мы перелетали на аэродром, находящийся около Калуги. Противник совсем близко. До нас доносится артиллерийская канонада. Разместились поблизости от аэродрома, в одноэтажном кирпичном доме. Машины расставили, как на парад, — в ряды, близко одна от другой. В этом была наша ошибка. На другой же день к вечеру аэродром подвергся ожесточенной бомбардировке. Два самолета было выведено из строя.

Из этого мы сделали должные выводы. Самолеты рассредоточили и замаскировали, а вот сами не захотели уходить из удобного и теплого помещения. Это было нашей второй грубой ошибкой. В конце января готовилась крупная десантная операция, и на нашем аэродроме было сосредоточено много транспортных тяжелых самолетов. И вот, вечером, когда смеркалось, из-за горизонта неожиданно выплыли армады фашистских бомбардировщиков...

После этого урока мы из казарм перебрались поближе к своим самолетам. Наученные горьким опытом, мы стали располагаться в глухих местах, в стороне от «большаков».

В то же время в условиях зимы и бездорожья наши машины были очень удобны и безотказны. Когда надо, доставляли частям армии боевые приказы и распоряжения, перевозили командный состав, забрасывали легкое вооружение и боеприпасы. Группа наших летчиков постоянно дежурила при командном пункте штаба 50-й армии, выполняла самые срочные и разнообразные задания.

Держать связь с десантным корпусом полковника Казанкина и конниками генерала Белова тоже выпало нашему полку. Мы доставляли им боеприпасы, продовольствие, медикаменты, газеты, литературу. В ночное же время наши У-2 летали на бомбежку важных узлов и объектов противника, железнодорожных станций, транспортных магистралей.

Западный фронт был для нас первым испытанием в деле, после которого мы поехали в тыл на переформировку.

После двухмесячного пребывания в тылу наш полк расположился под Воронежем на полевом аэродроме Пружинки. Самолеты — те же У-2, но уже модернизированные, скорость побольше и в кабине штурмана установлен пулемет.

Летный состав заметно обновился. К нам пришли молодые летчики и штурманы, еще не бывавшие на фронте, не летавшие ночью.

Август. Командование армии назначило полку трое суток на изучение района боевых действий и ознакомительные ночные полеты. Ночи стоят по-южному темные. Что-то они таят?

Но вот и первая боевая ночь. У командного пункта собрались пилоты, штурманы, механики. В летных комбинезонах, у каждого в кобуре пистолет... Курят, шутят, смеются. Теплый ветерок обвевает возбужденные лица.

Командир полка, Изосимов, оживленно разговаривает с людьми. Наконец, бросив взгляд на часы, он обращается к командиру эскадрильи Артюхову и штурману полка Борисенко:

— Что ж, начнем с вас.

Капитан Артюхов — человек атлетического телосложения, кадровый военный, прекрасный летчик. Капитан Борисенко в первом «кругу» показал себя отличным штурманом, хорошим наставником молодежи.

Оба четким, строевым шагом направились к самолету. Через некоторое время раздалось стрекотание мотора, самолет разогнался по полю и легко взлетел. Он хорошо заметен в черном небе: светятся бортовые огни. Летчик зачем-то включил их. А может, произвольная ошибка?

Но что это? К характерному стрекотанию нашего самолета примешивается чужой неприятный звук. С каждым мгновением все слышней и слышней. Противник!

А наш У-2 как ни в чем не бывало сделал первый разворот и пошел на второй. Огоньки предательски светятся. Большая темная громада немецкого стервятника мелькнула над аэродромом. Он следовал за нашим самолетом.

— «Юнкерс», «юнкерс»! — дико запричитал кто-то.

На аэродроме ярко горит электрическое «Т». Того и жди, что на головы посыплются бомбы. Однако фашист увлекся охотой за движущейся мишенью.

— Выключить «Т», — спохватившись, громко командует Изосимов.

Все погружается во мрак. Но вот от «юнкерса» сверкнули одна, другая огненные трассы в направлении нашего У-2. Он вспыхнул и, бороздя черное небо, пошел к земле. Пронеслись какие-то мгновения оцепенения, горящая машина вонзилась в землю на краю аэродрома. Взрыв, пламя... Мы кинулись туда. Но чем теперь могли мы помочь? Тлеющие обломки... Груды искореженного металла, два обгорелых тела... Рядом с почерневшей рукой Артюхова белели часы со светящимся циферблатом. Секундная стрелка продолжала свой бег, а человеческое сердце остановилось.

Командир полка нагнулся и поднял часы. Они были горячи.

— Гады! — скрежетнул он зубами.

— Как быть с полетами? Отменить? — обратился к нему начальник штаба.

— Полеты продолжать. Летать без навигационных огней, «Т» включать лишь для посадки, — каким-то сухим, металлическим голосом произнес Изосимов.

...Начались фронтовые ночи. Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тархтением выруливали самолеты и поднимались в небо.

На Западном фронте наши ребята, для того чтобы больше брать бомбовой нагрузки, летали без парашютов, но трагический случай с Артюховым и Борисенко, кроме всего прочего, подсказал, что парашютами пренебрегать нельзя.

По долгу службы мне приходилось почти постоянно быть на КП. Невольно видел, кто уходил на задания смело, твердой походкой, с задором в глазах, а кто робко, нерешительно. Иной по малой опытности, а иной по малодушию, откровенных трусов я не знаю, у нас их не было.

Всегда уверенно отправлялись на задание наши опытные летчики Борис Цибулевский, Николай Сибиряк, Владимир Слук, штурманы Юрий Сазонов, Иван Приезжев, Кузьма Царенко. Уверенно заявила о себе молодежь. Пилоты Николай Попов, Андрей Занин, Василий Протасов летали храбро, работали без усталости, вдохновенно и горячо.

Были и такие, которых на первых порах брала оторопь, мучил страх. Молодой летчик Алексей Романов как только узнавал, что ему предстоит лететь на задание, бледнел, волновался, а в полете старался забраться как можно выше. После разговора с командиром полка и комиссаром он постепенно преодолел свою робость и стал летать нормально, даже хорошо.

Жарко было нам под Воронежем в густые августовские ночи.

Важной для нас целью был железнодорожный узел и аэродром Старого Оскола. Бомбить его приходилось неоднократно. 26 августа на бомбежку улетело десять экипажей, все они прорвались сквозь зенитный заслон и успешно отбомбились, но обратно возвратилось девять. Не пришли с задания задорные, боевые сержанты Василий Сосулин и Петр Вдовин.

С каждым днем нам даются все более и более сложные цели. Мы начинаем бомбить аэродром и военные объекты Орла. Здесь захватчики сосредоточили свыше двухсот зенитных батарей и до двадцати прожекторов. По их убеждению, они создали зону сплошной непроходимости. Однако наши самолеты с большой высоты, бесшумно, на планировании, проникают в логово врага и обрушивают на него свои бомбы.

Днем после работы полк отсыпался. Спали в дощатом сарае, на матрацах, набитых соломой. Спали мертвецким сном, отрешившись от всех волнений войны.

Рядом с моим матрацем были постели летчиков Ивана Дудрова и Николая Попова. Вполне понятно, что у нас нередко возникали душевные разговоры.

Лейтенант Иван Дудров первым в полку сделал сто боевых вылетов, хорошо освоил противозенитный маневр и охотно рассказывал о своем боевом опыте.

— Не люблю торчать на аэродроме. По мне, скорей в воздух. Огни тут у вас, шум, гомон, того и гляди, фриц нагрянет, — говаривал он.

Николай Попов, хоть и был моложе Дудрова, но быстро в деле освоился. Техника пилотирования у него была отличная.

Была у Николая небольшая причуда. Он возил в своем вещевом мешке толстую книгу Виктора Гюго «Отверженные». Прочла эту книгу вся 3-я эскадрилья. Давал он этот увесистый том и мне и убедительно просил, как и всех остальных, обращаться с книгой поосторожней. «Это отцовский подарок», — говорил он, как бы извиняясь. Сказывали, что в полетах Николай будто бы подбадривал себя возгласами: «Не унывай, Гаврош, не вешай носа, братишка!» Это говорилось

про Николая с доброй улыбкой, без подковырки. В эскадрилье никого не удивляло, когда Николай после возвращения с задания, сидя с дружками за обеденным столом, поднимал фронтовую чарку «за милого друга Гавроша!». Тост охотно подхватывали: парижский мальчишка, забияка и неугомон, нравился многим.

Мы — кочующий народ. Часто меняем точки базирования: Студенец, Русский Брод, Троицкое, Дутое, Ветчинкино, Измалково, Хомутово, Проходное и снова Студенец. Вокруг — орловские и курские просторы, знаменитые тургеневские места... Но не поют нам прославленные курские соловьи. У нас жаркие ночные полеты. Наши парни бомбят населенные пункты вдоль линии Брянского фронта, железнодорожные станции. От наших бомб гибнут фашисты, горят танки, автомашины, выходит из строя вражеская боевая техника.

По агентурным данным стало известно, что в Понырях наш полк разбомбил здание, в котором погибло 150 гитлеровцев. На станции Глазуновка наши фугасные бомбы разрушили двухэтажный дом, в котором жили немецкие офицеры. Их хоронили три дня. На станции Думчино было взорвано три состава с боеприпасами. Применяя ампулы с горючей смесью, наш полк буквально сжигал населенные пункты, в которых располагались фашисты.

Большим испытанием для наших летчиков явилась задача бомбить передний край противника днем. Облачность в тот день была низкая, и предполагалось, что самолеты, вынырнув из облаков, обрушат на противника свой бомбовый удар и снова уйдут в облака. Но погода изменилась. Самолеты появились над передовой, а там было чистое небо и отличная видимость. Что делать? Командир эскадрильи Константин Котов принял решение идти вперед. Было бы трусостью не выполнить задание. Экипажи пошли на явную гибель ради долга.

Появление самолетов У-2 было для противника неожиданным. Пользуясь внезапностью, звено Котова очень удачно отбомбилось, вызвав в расположении врага панику и растерянность. Этим моментом воспользовались и следующие экипажи. Зенитки немцев открыли вдогонку беспорядочный огонь, но он не причинил нашим большого вреда.

Как известно, любой боевой вылет таит в себе неизвестное. Как-то на передовой неудача постигла младшего лейтенанта Николая Попова, «нашего Гавроша». После бомбежки его штурман Топоров расстреливал фашистов из пулемета с высоты четырехсот метров. Это вызвало звериную злобу гитлеровцев. Они открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Был разбит мотор самолета, создавалась угроза погибнуть или того хуже — быть захваченными в плен. Планируя, экипаж посадил самолет на нейтральной полосе. По ним палили из минометов. Летчики укрылись в снаряженных воронках. Самолет свой подожгли. Ползком, преодолевая проводочные заграждения, минуя минные поля, они добрались до своих. На другую же ночь «наш Гаврош» снова полетел на задание.

В октябре 1942 года летчики Виниченко и Сибиряк по своей инициативе пошли на задание парой. К самолету Сибиряка пристроился самолет Виниченко. Сибиряк осветил цель. Виниченко бомбил ее. Затем они поменялись ролями. Когда Виниченко попал под зенитный обстрел, штурман Сибиряка подавил огневые точки противника. Вскоре летать парами у нас стало обычным.

Наши летчики находили безопасные «ворота» на передовой. Штаб извещал об этом весь летный состав. Обычно всю ночь обрабатывали какую-либо одну цель. Противник учел это и стал подвозить в пункт, подвергшийся бомбежке, дополнительные средства обороны — зенитки, прожектора, высылал ночных истребителей... Но и мы начинали действовать по-иному. Делали заходы с разных сторон, обходили огневые точки, меняли объекты бомбежки, стали применять метод свободной охоты. Летали в самых трудных погодных условиях.

Инженер полка Валуйкин наладил ремонт самолетов в полевых условиях. Наши техники и механики возвращали их в строй за два-три часа. Мастерами своего дела по справедливости считались Иван Кузнецов, Калистрат Михайлов, Павел Великоднов, Сагит Вахитов...

Нелегкой для нас была зима 1942/43 года. Летать приходилось в сложных условиях.

Как-то выпустили на свободную охоту экипажи летчиков Кружнова, Лебедева, Цибулевского. Была плохая погода. Самолеты можно было вести только по приборам. Экипажам пришлось очень тяжело. Около Курска они попали под влияние магнитной аномалии. Компас — основной прибор на самолете — отказал. Летчики Цибулевский и Лебедев около двух часов кружились над территорией противника, пока не нашли дороги домой, а вот самолет комэска Кружнова не вернулся с задания. Как стало известно позднее, он врезался в землю и погиб.

Наступала весна. Наши самолеты летали на разведку и бомбежку аэродромов противника, на которых сосредоточивались крупные силы вражеской авиации, систематически бомбили Орел, Солнцево, Слободу, Мезенку. За успешную бомбардировку аэродромов противника командующий 15-й воздушной армией генерал Науменко объявил полку благодарность.

Пришел июль 1943 года. Развернулась историческая, беспримерная по своему размаху Орловско-Курская битва. На земле противоборствовали танки, в небе сражались самолеты. Нашлось дело и нашим У-2.

Экипажи полка совершали в ночь по 60—80 вылетов. Бомбили отступающие войска, взрывали переправы и мосты, уничтожали склады боеприпасов.

Всем памятно наступление советских войск. Шагнули через Зушу. 20 июля был освобожден город Мценск. 5 августа

поднято Красное знамя над Орлом. 15 августа освобожден Карачев. 17 сентября наши войска взяли город Брянск.

С большой радостью встречали нас жители освобожденных городов и сел. Обнимали, целовали. «Родные, наконец-то вернулись!» — говорили они со слезами на глазах.

Курская дуга обошлась недешево и нашему полку. Погиб летчик Тимофей Журавлев. Он был убит в районе цели, а самолет привел на нашу территорию раненный в ногу штурман Василий Малеванный. Под Орлом мы потеряли прекрасного летчика, командира эскадрильи, старшего лейтенанта Константина Котова. При бомбежке передовой он был ранен в живот, но проявил железную волю и привел самолет домой. Посадил его. Нашел силы доложить командиру полка о выполнении задания... В воздушных боях погибли летчики Василий Сосулин, Петр Медведев, штурманы Гарипов, Иван Князев, Александр Васильченко...

В начале 1944 года нам пришлось идти на выручку нашей пехоте, которая в районе Невеля попала в «мешок». Горловина его — проход, составлявший всего восемь километров, — простреливалась. Создалась опасность окружения наших войск. В «мешок» перелетели ночные воздушные полки нашей дивизии.

Линия фронта была совсем рядом. Набирать высоту приходилось над самым аэродромом, самолеты с приглушенными двигателями направлялись на цель и поражали ее. Мы бомбили вражескую пехоту, железнодорожные эшелоны, автотранспорт, вели ночную разведку.

Однажды пехота противника прорвалась почти к самому аэродрому, но была отбита нашими солдатами. В ликвидации невелинского «котла» ночная авиация оказала значительную помощь советским войскам.

Следующим нашим объектом была Идрица — сильный оборонительный рубеж фашистов. Перед нами была поставлена

задача — нанести бомбовые удары по гитлеровцам, засевшим в Идрице, Новосокольниках, Пустошке. Летали мы и на разведку, и к партизанам.

Фашистские летчики неоднократно бомбили наш аэродром. 23 февраля на наши головы «юнкерс» обрушил серию бомб. В это время мы грузили на самолеты листовки. Летчик Виниченко и я моментально упали на землю. Комсорг Лукьянов чуть замешкался и был ранен. Легко ранило двух оружейников. Повредило десять самолетов, но мы быстро их отремонтировали.

Теперь наши летчики уходили на разведку и в дневное время.

Интересный случай произошел с Андреем Виниченко. Хмурым январским утром ему был дан приказ уточнить линию фронта, определить, как передвигаются наши войска, перешедшие в наступление.

— Что ж, мой штурмовик всегда готов к бою, — усмехнулся Андрей.

Его самолет поднялся в воздух и пошел у самой кромки облаков. Высота всего триста метров. Выше — сплошная, густая облачность.

Но что это? Там, где еще ночью была передовая, царила неподвижность. Вся округа была изрыта окопами, траншеями. Стояли мертвые танки, застыли изуродованные бронетранспортеры, молчали орудия. Но вот Виниченко заметил — по большаку в беспорядке, панически отступали фашисты. Теперь предстояло заглянуть в город Новосокольники. Что же делают там враги, как себя чувствуют?

Самолет шел, задевая обрывки облаков. Показались дома. Сизый дым стлался над городом. Виниченко в свой полевой бинокль увидел на улицах советских солдат, идущих походным маршем...

— Василь, город наш! — удивленно и радостно крикнул он штурману и повел самолет на снижение. Сомнений больше не было: наши... Для верности прошелся над колонной пехотинцев и помахал им рукой. Ему ответили.

— Новосокольники наши! — вернувшись на аэродром, улыбаясь во все круглое лицо, доложил Виниченко, и хотя к той минуте это была уже не новость, Андрея поздравляли и обнимали.

Через несколько дней нашей 284-й авиадивизии было присвоено звание Новосокольнической.

Вскоре нас перебросили на Ленинградский фронт.

Нашему наземному эшелону пришлось в районе города Острова преодолевать большое голое поле, а немцы простреливали его с Пушкинских гор. Заместитель командира полка по политчасти майор Муша отправлял автомашины через этот гибельный участок — по одной с небольшими интервалами. Снаряды рвались около машин, поднимая столбы земли и ледяных комьев, осколки со свистом проносились мимо. Надо признаться, было не особенно приятно сознавать себя движущейся мишенью. Однако все кончилось хорошо.

На Ленинградском фронте много нам поработать не удалось: в полную силу развернулись белые ночи, началась весенняя распутица, развезло дороги и взлетные площадки.

Я должен сделать маленькое отступление. Было бы неверно утверждать, что во время войны мы жили только боями, только военными делами. Жизнь есть жизнь, человек и на войне — человек. Чуть передышка — и оказывается, что у каждого из нас есть и свои личные дела, свои заботы. Мы отмечали советские праздники, по возможности — дни рождения товарищей, вручения боевых наград. Регулярно, как положено, проводились партийные и комсомольские собрания, выпускались стенгазеты. К нам приезжали время от времени артисты с концертами. Мы и сами устраивали вечера самодеятельности, с песнями, танцами. У нас выявилось немало талантливых певцов, декламаторов, актеров...

Вот, к примеру, лейтенант Владимир Девинец. Как-то он более двух часов на память читал за всех персонажей — да-

же женщин — гоголевского «Ревизора». Все мы просто умирали, покатываясь со смеху.

А после Девинец взялся по-настоящему поставить «Ревизора», слетал в Ленинград, раздобыл там всю необходимую бутафорию, костюмы, музыкальные инструменты. Под его режиссурой «Ревизор» был подготовлен. Володя играл Хлестакова, летчик Николай Толпыго — городничего, штурман Рафик Сушкин — Добчинского, штурман Лева Циркин — Бобчинского, машинистка Люба Цибулевская — Анну Андреевну, оружейница Лиза Киселева — Марию Антоновну. «Оркестром» дирижировал летчик Сурен Меликов.

Спектакль удался на славу, заслужил самую высокую оценку. После этого наши артисты выступали с «Ревизором» и в других воинских частях фронта...

Той же весной развернулась борьба за освобождение Прибалтики. В середине августа мы перелетели на маленький, очень ограниченный аэродром Камтаускаса. Слышно было, как где-то близко гремит артиллерия. Дома были побиты снарядами. Отсюда наши ребята летали бомбить станции Таурих, Огре.

Потом, чтобы успеть за отступающим врагом, перелетели в поселок Дерти, где разместились в прекрасной помещицкой усадьбе. Это был красивый двухэтажный дом, но аэродром оказался совсем плох. Однако летчики наши были уже асами. Им не впервой была узенькая взлетная полоска.

Стояла хорошая погода, и полк работал с максимальным напряжением. Летчики делали по восемь — десять вылетов за ночь.

Новый аэродром Узини. Рядом маленькая речушка с живописными берегами. Рыбы в ней уйма. Но нам не до рыбалки.

Наступили осенние дни. И вот 13 октября была освобождена красавица Рига. Большой светлый праздник. Для нас он

был праздником вдвойне. Нашему полку присвоили почетное звание Рижского.

Теперь предстояло добивать фашистов, зажатых между Тукумсом и Либавой. Вражеские зенитчики яростно обстреливали наши самолеты. Не вернулись домой летчики Николай Попов, Николай Сибиряк, Семен Великжанинов...

Трудно, непривычно было нашим ребятам появляться над морем. Летишь — вверх звезды. Глянешь вниз — и там звезды. Чудилось, что летят вверх колесами. Неприятно и страшновато. Но что поделаешь, надо летать. Надо воевать.

...И вот приходит цветущая зеленая весна 1945 года. Сводки Совинформбюро с каждым днем все радостней и радостней. 9 мая. Два часа ночи. Московское радио передает важное правительственное сообщение. Война окончена. Мы выбегаем под звездное небо. И ночь превращается в день. Стреляем вверх из всех видов оружия: пистолетов, карабинов, автоматов. Небо пересекают пулеметно-ружейные трассы. Ослепительно вспыхивают разноцветные ракеты...

Еще и еще перелистываю фронтовую тетрадь. И вновь передо мной проходят страницы героических дней и ночей. Вновь я вижу своих друзей-однополчан, вновь припоминаю боевые эпизоды нашей обычной фронтовой жизни. Я не могу не рассказать о них.

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

Потрепанный томик Горького я пронес через всю войну. Беру книгу и вспоминаю хмурую холодную осень сорок первого. Наш авиаполк в товарных вагонах едет на фронт. На открытых платформах разобранные старенькие аэроклубовские самолеты У-2.

А собралась у нас что ни на есть самая пестрая братия: есть среди нас и опытные летчики, а есть и совсем начинаю-

щие. Но все пока что без воинских чинов, большинство — без званий. И война, и звания — все это впереди.

Дорога длинная. Коротаем время у железной печурки. Ее огонек освещает безусые лица. А разговоров, как обычно, хватает. Вероятно, за этой разговорчивостью кроется внутреннее беспокойство и ожидание чего-то страшного, неведомого и оттого — притягательного.

Но есть среди нас человек молчаливый. Со стороны — будто ко всему безучастен. Круглоплечий, с неестественным белым лицом и едва приметными бровями. Но взор у него волевой. Звать его Григорий Петялин. Он среди нас «старик», ему за тридцать. У него на голубых петлицах алеют три кубика — старший лейтенант.

Окольными путями, через штабного писаря, узнали мы, что Петялин кадровый летчик, уже воевал. Его сбивали. Выскочил с парашютом из горящего самолета. Лицо опалило огнем и потому оно такое необычайное, белое, почти неподвижное. Когда его сшибли вторично, то вытащили из-под обломков самолета. Помяло грудь, переломало ребра. Но снова выжил, и вот прямо из госпиталя — к нам.

Войну он знал. Понятно, мы пристали к нему с расспросами: почему мы отстаем?

Петялин морщился:

— Я не генштаб. Скажу только, что думаю. За одного битого двух небитых дают.

На одной из долгих стоянок разбитной летчик, общий нам любимец Леня Иванов разжился котелком спирта, грохнул среди братвы:

— За жизнь, за наши успехи, за наши победы!

Нас ли звать дважды? Сгрудились вокруг печки — пошла жестяная кружка из рук в руки. Выпил и Петялин. Настроение у всех поднялось. Раскраснелись лица. Зазвучали песни о Каховке, о летчиках, стремящихся все выше и выше, о трех танкистах в атаке огневой.

Тут и Григория Ивановича, что называется, прорвало. Лишь умолкла гармонь, он потянулся к нарам, достал томик

Горького и неожиданно для всех стал читать «Песню о Соколе». Петялин словно преобразился: глаза засверкали, глуховатый голос, казалось, окреп и зазвенел. «Я словно пожил. Я храбро бился... О, счастье битвы!.. Безумству храбрых поем мы песню!».

Горьковские строки каждому из нас были, конечно же, знакомы со школьной скамьи. Но как же к месту пришлось они сейчас, в этой тарахтящей теплушке, в этот осенний пасмурный день, в преддверии фронта и смертельных схваток с врагом!

Десять суток тряслись мы в теплушках от Урала до прифронтовой полосы. Видели угрюмую, растревоженную страну, шумные станции, на которых люди пели, кричали, плакали. Нам везло. Небо все время было в серых тучах, и немецкие самолеты не появлялись.

С Петялиным я постепенно подружился. Он оказался интересным собеседником, книголюбом. На нас посматривал как старший, с покровительственной улыбкой.

— Для человека война — вроде как лотерея, — говорил он, — только, жаль, выигрышей в ней маловато, не каждому из нас достанется уцелеть и домой вернуться. Но не беда, кровью умоемся, а фашистов разобьем. И вот представьте: дослужусь до полковника, выйду в отставку, сколочу большую библиотеку и засяду, братцы, за классиков!..

Тот день выдался погожий. Солнце золотило бревенчатые стены избушки. Петялин брился. Был он в хорошем настроении. Уж месяц как все мы были на фронте. В небе полно вражеских истребителей, а наша эскадрилья летала без потерь. Научились ребята ходить низко, у самой земли, играть в прятки с противником...

Распахнулась дверь, вкатились морозные клубы. В низенькую дверь избы протиснулся комэск Курочкин. Бросил шлем на стол, буркнул «здравствуй» и тяжело опустился на лавку.

— Здравствуй, — ответил Петялин, — что с тобой? Какая муха укусила?

— Нечему веселиться. Приказано нам с тобой лететь в окруженную дивизию, доставить боеприпасы.

— Что ж, честь большая.

— Понимаешь, друг разлюбезный, лететь-то днем. А день сегодня, сам же видишь, какой ясный. Небо чистое, как стеклышко.

— Понимаю, друг разлюбезный, — в тон ему повторил Петялин и, быстро заканчивая бритье, уже просто сказал: — Что ж, мы люди военные. Приказ надлежит исполнять. Давай думать, как и что.

Петялин разостлал на столе карту-километровку и стал намечать маршрут.

— Вот пойдем на этот лесок. Здесь ложбинкой, попробуем проскочить незаметно, — рассуждал он.

Курочкин молчал. Но видно было, что его озадачило полученное задание.

— Не унывай! — усмехнулся штурман.

— Кошки скребут на душе.

— Чепуха. На то они и кошки. Не так страшен черт, как его малюют, — повторил Петялин свою излюбленную поговорку.

И снова склонился над картой, готовя расчеты и выкладки, изучая местность. Курочкин сидел рядом, курил и курил. Наконец штурман оторвался от бумаги, выпрямился, сладко потянулся:

— Расчеты готовы. Все ясно.

Правда, ясно было на карте, а какие штучки ждут их в самом деле — это еще неизвестно.

На зимней деревенской улице ничто не напоминало о войне. Небо было синевато-розовое. Чистый снег сверкал и слепил глаза. Дремали застывшие деревья в плотной белой куржавине.

— Красотища какая! — говорил Петялин. Одетый в коричневый меховой комбинезон, походил он на матерого медведя

и легко нес свое крупное тело. Не менее рослый Курочкин едва поспевал за ним.

Григорий каждый раз перед полетом чувствовал радостное возбуждение. Так и тогда, перед тем как выйти из дому, достал из чемодана новенькую синюю гимнастерку, подшил свежий подворотничок, привинтил орден Красного Знамени.

Петялин привык честно и без лишних слов исполнять свой долг. Из каких только отчаянных переделок не выбирался он жизной. И сейчас был уверен, что все пройдет хорошо.

А утро разгоралось все ярче: только бы любоваться им, радоваться золотому солнцу, синему небу. Но Курочкин был мрачен: будем у противника на виду.

Но вот маленький их самолет, покрашенный в белый цвет, вырулил со стоянки и, разбежавшись, взлетел. Летчикам видно, как под крылом проплывают леса, поля, речушки, закопанные в белую броню. Безлюдно. Тихо внизу. Но вот доносится глухой гул канонады. На небе появляются малиновые всполохи. Передовая. Уже видны опаленные дымкой змейки траншей, оружейные позиции.

— Правей, правей бери, комэск! — кричит в переговорный аппарат Петялин, чувствуя, как у него срывается голос. Артиллеристы им не страшны. Летят они над самыми их головами. А вот пехотинцы могут из автомата пальнуть.

Какие-то секунды, и жуткий передний край позади. По ним никто не сделал ни одного прицельного выстрела. Вероятно, захватчики никак не предполагали такой дерзости от У-2, чтобы мог он появиться в светлое время.

— Пронесло! — облегченно говорит Петялин. — Дудки. Обратно тут нас не ждите! Пойдем в другом месте.

Самолет летит в глубь вражеского расположения. Уже сорок минут натруженно и тревожно тарахтит мотор. Вот показалась чернеющая лесами высота. Там — наши. Но они в плотном окружении. Под крылом виднеются блиндажи и окопы, в которых копошатся зеленые фигурки фашистов. «Увидят — не поздоровится, — соображает Курочкин. — Как обхитрить их?» Он заметил широкий овраг, идущий к лесу, и на-

правил в него свой самолет. По нему лететь безопасней. Правда, не легко управлять груженной машиной в тесном пространстве. Но летчик надеется на себя.

Минута, другая — и они выскочили в расположение своих войск. Высота имела странный вид. Деревья перекорежены, громоздятся кучами, а те, что стоят, накренились в разные стороны. Видно, крепковато поработала вражеская артиллерия...

Самолет делает круг, другой... Курочкин высматривает место посадки. Ничего подходящего нет. На небольшую прогалину высыпали солдаты, одетые кто в серые шинели и ватники, кто в полушубки. Они радостно машут руками, бросают вверх шапки.

— Наши! — говорит штурман и, отвечая на приветствия, крутит рукой. Потом, поняв, что сесть невозможно, принимает рискованное решение.

— Комэск, — говорит он, — пилотируй как можно осторожней. Я займусь разгрузкой.

Петялин выбирается на крыло и, вцепившись одной рукой за край кабины, нагибается и финским ножом разрезает веревки, закрепляющие ящики с патронами. Упирается в них ногой и с большим трудом спихивает вниз.

Самолет неожиданно качнуло. Петялин свободной рукой ухватился за стойку и еле сумел удержаться на плоскости. А внизу — острые пики деревьев.

Предстояло повторить этот опасный заход. Он перебирается через кабину на другое крыло и, осторожно балансируя, освобождает и это крыло от груза.

— Уф! — отдувается Петялин, уже сидя в кабине и вытирая холодный пот со лба.

Облегченный самолет хорошо слушается рулей, идет низко, оставляя за собой снежные вихри. Земля под ними несется стремглав. Подлетают к передовой. Оба в страшном напряжении. Но их опять выручает внезапность.

На своем аэродроме, пока загружали машину для нового рейса, летчики вышли поразмять ноги, погреться. Зашли в до-

мик командного пункта. Закурили. Потоптались у потрескивающей печки.

— Ну, как обстановка, есть ли «огонек»? — спросили друзья.

— «Огонька» хватает. Да только мой комэск летает как бог, — отшутился Петялин.

Курочкин принял похвалу, как должное. Он явно воспрянул духом. Факт фактом — слетали удачно. Выходит, и правда, «не так страшен черт, как его малюют».

...В каждый новый вылет они переваливали линию фронта в разных местах. Шли на цель с разных направлений. Прятались в лощинках, овражках, притирались к самой земле. И все шло нормально.

Но вот при очередном возвращении у передовой по ним открыли ураганный огонь. Розовые и оранжевые звездочки разрывов вспыхивали вокруг самолета. Небольшим осколком у Федора скользящим щелчком разбило очки. У него потемнело в глазах, и холодок пробежал по спине.

— Что случилось? — почувствовав, как дрогнул самолет, тревожно спросил Петялин.

— Чуть не продырявили, гады, — выругался Курочкин.

— Чуть не считается. Обошлось, и ладно. Держись. До дому рукой подать, — услышал он спокойный, как всегда, голос штурмана.

Курочкин в одно мгновение представил себе улыбку Петялина. Ему что! Сделал свое дело, а сейчас развалился, наверно, в кресле. А зачем меня подбадривать? Федор нарочно не взглянул в зеркальце, чтобы не видеть улыбки своего напарника.

Опасную зону они проскочили и теперь летели над своей землей. И только тут до Курочкина дошел слабеющий голос Григория:

— Ранен я...

Летчик обернулся и увидел побледневшее лицо Петялина. Значит, штурман крепился, молчал и не хотел его тревожить, пока они не вышли из полосы обстрела.

— Друг милый, держись! Аэродром близко. Держись! — теперь уже Курочкин подбадривал Петялина. А тот, зажав рану руками, чуть не до крови кусал губы, стараясь превозмочь все нараставшую боль в животе.

Курочкин на предельной скорости гнал машину. Не делая круга, прямо с ходу посадил ее и, выскочив на плоскость крыла, закричал:

— Врача! Санитаров!..

Пожилой врач осмотрел его и печально покачал головой. Разрывная пуля попала Григорию в живот. Сестра сделала ему укол, он открыл глаза, застонал и, увидев Курочкина, подозвал его к себе. Потом еле слышно сказал:

— Все, Федя. Умираю. Напиши жене.

Он жадно вздохнул и замолк.

Солнце уходило на покой. Золотистые лучи осветили комнату и стол, на котором лежал Петялин. Лицо штурмана было спокойно, губы застыли в легкой улыбке.

...На другой день на окраине маленькой деревушки Подкопаево мы похоронили Григория. Над его могилой давали клятву мести.

Я тоже не мог промолчать и дрожащим от волнения голосом прочел любимые Григорием горьковские слова о храбре Соколе.

А вечером перед ночными полетами начальник штаба вручил мне тот самый томик Горького на память о боевом товарище.

ПАКЕТ

Пилот Евгений Кузнецов — рослый, круглолицый, в шлеме, меховом комбинезоне и мохнатых унтах, улыбаясь, шел на летное поле, расположенное за деревней. Мороз приятно холодила щеки, румянил. Хрустел под ногами снег.

Евгений любовался розовым утром, щурясь от яркого солнца. Вдыхал полной грудью свежий, бодрящий воздух. Радовался полученному боевому заданию.

Кажись, что в нем, Женьке Кузнецове, особенного? Недавно еще мальчишка со школьной скамьи, затем курсант аэроклуба. А вот, поди ж ты, командир полка поручил ему, а не кому-нибудь другому это серьезное дело.

Конечно, думалось ему, командир давно приметил его уверенный летный почерк, умение летать бреющим, чуть не касаясь земли. При такой манере маленький У-2 почти невидим с воздуха. А это очень и очень важно. В небе постоянно кружат немецкие истребители.

Кряжистый, всегда спокойный, майор Изосимов, вручая Евгению пакет, сказал:

— Трудновато к пехотинцам пробраться, а надо, лейтенант. Их жизнь сегодня в твоих руках. Так что лети аккуратно, не фасонь.

В сарае, где был запрятан самолет, длинный нескладный техник Юра в черной замасленной куртке и толстом шерстяном свитере бодро доложил, что машина в полном порядке.

Ухватившись руками за конец крыла, слегка покачивая самолет на ходу, Юра и двое молоденьких оружейников ловко вызволили самолет из убежища. Евгений легко вскочил в кабину. Расстилавшееся перед ним белое пространство искрилось от солнца, играло розовыми, голубыми искрами. Даже жаль было, что он сейчас лыжами своей машины основательно взрыхлит эти ровные, прибранные снега и нарушит необыкновенную красоту.

Юра, наваливаясь всем своим телом, привычно крутанул винт — раз, другой, третий.

— От винта! — крикнул Евгений и включил зажигание. Мотор застрекотал. Самолет, сделав небольшую пробежку, плавно поднялся в воздух. С крыши сарая испуганно взметнулись сороки.

Белая, хорошо камуфлированная машина шла низко. На ярком, чистом снегу скользнула ее голубая тень. Небо отличало прозрачной синевой. Горизонт по всей его протяженности оставался ясным. Но именно в этом таилась главная опасность. Можно было запросто нарваться на неприятеля. Поне-

воле приходилось прижимать машину к самой земле, то и дело оглядываться, остерегаться.

Колючий, холодный ветер продувает открытую кабину. Но не страшен мороз уральскому парню. В меховом шлеме ему даже жарко, и он не застегивает ремешки.

Истекает расчетное время. На горизонте обозначилась темная полоска леса. Где-то там наши войска. Чтобы точнее сориентироваться, Евгений набрал высоту.

И сразу же в небе, словно Евгения ждали, появилась и быстро начала увеличиваться черная точка. Так и есть! Встречным курсом летел самолет с обтекаемым щучьим носом и тупо обрезанными крыльями.

«Мессер»! — определил Кузнецов. — Этого только не хватало! Неужто влип? Что делать? Увернуться? Догонит. Уж лучше идти напролом. Только бы не попадаться в прицел, не подставиться».

Легко сказать — не подставиться! Кругом голое место. Укрыться негде. Кузнецов летел напрямик на фашиста, слегка виляя самолетом и делая небольшие крены. Немецкий летчик, должно быть, удивился, что фанерный самолет не бросился наутек, не свернул с пути, а сам стремится навстречу своей гибели. На всякий случай гитлеровец выпустил несколько отсекающих очередей. Они, как огненные шмели, пронеслись близко.

Какая-то минута, и осиное тело «мессера» поравнялось с машиной Кузнецова. Он увидел самоуверенное лицо врага, который рукой в желтой перчатке показывал вниз: мол, вгони тебя в землю. Мелькнул черный крест на фюзеляже.

Евгений возмутился, сердито взмахнул увесистым кулаком.

Фашист лишь злобно усмехнулся. Он настолько был уверен в собственном превосходстве, что решил не сразу крушить свою жертву, а сперва позабавиться, поиграть с ней в «кошки-мышки».

У самолетов была большая разность скоростей. «Мессер» в один миг проскочил мимо У-2, а затем, сбавив скорость, развернулся и начал заходить с хвоста.

«Сейчас врежет из пулемета!» — напрягся Евгений. Непроизвольное чувство страха сжало сердце. Но тут в памяти всплыл спокойный голос командира полка. Евгений переборол минутную растерянность. «Чуть не раскис!». Злость на себя подавила страх. Голова стала ясной, и разум подсказал выход. Спасение было под ним. «Ну что ж, гад проклятый, погоняйся за мной!».

Внизу под крыльями меж извилистых крутых берегов свинцовой броней отливала река. На нее резким пике и кинул свою машину Евгений. Она легкой ласточкой понеслась, завилила вдоль узкого русла реки, почти касаясь поверхности льда, повинаясь ее причудливым извивам. Река петляла необыкновенно. Самолет ловко, умело маневрировал.

«Мессер» люто атаковал. Он сваливался вниз, изрыгая огненные пулеметные очереди. Фашист злился и оттого безбожно мазал, проскакивал вперед и снова возвращался, чтобы повторить атаку. Видать, он понял, что допустил ошибку, не сбив русского в чистом небе. Игра не получалась, а отступить от верной добычи разбойник не мог. Он упрямо делал круги над рекой, но раз за разом уходил ни с чем, не в силах добиться цели.

И тут случилось невероятное, то, что иногда бывает на фронте. Совершив очередной поворот в русле реки, Кузнецов поразился. Перед ним, как по взмаху волшебника, вырос высокий утес. Только помедли секунду, и самолет врежется во вздыбленный берег и превратится в грудку обломков. Кузнецов среагировал машинально и молниеносно. Автоматическим движением Евгений нажал на педали, и его самолет послушно отвалил в сторону.

Разгоряченный фашистский ас поздно заметил необыкновенную крутизну берега. У него была огромная скорость, и что-либо сделать для своего спасения он был бессилён. Как страшный снаряд, «мессер» врезался в громаду утеса. Оглушительный взрыв потряс ущелье, взметнув в небо столб огненного дыма вперемешку с камнями, землей и кусками разорванного металла.

Кузнецов понял, что произошло. Его самолет спокойно взмыл над рекой. Оглянувшись, Евгений увидел багровый костер, в котором корежилась фашистская машина.

— Доигрался! — облегченно выдохнул Евгений и вдруг задорно, по-мальчишески закричал во все горло: — Ура-аа! Мы еще проживем!

Подмывало вернуться к месту гибели врага и взглянуть на то, что осталось от него. Но время не ждет. Надо было быстрее добираться до своих. У-2 лег на прежний курс. موتور работал ровно, бодро. Винт весело разрезал воздух, блестящая впереди. Небо синело. Светило янтарное солнце.

Под крыльями самолета скользила безбрежная белая равнина, вспыхивающая тысячами золотистых и голубых искр. Но вот за темным гребнем лесов Евгений увидел клубящиеся тучи дыма и всполохи частых разрывов. Там, зажатые врагом, вели кровопролитный бой его товарищи. К ним у него был важный, очень важный пакет.

ДАРЕНОЕ НЕ ДАРЯТ

Штурман Вадим Комадовский уезжал на курсы летчиков-истребителей. В штабе его окружили друзья. Кто-то из них не то в шутку, не то всерьез, сказал:

— Не покупись, оставь на память часы.

— Э, черт полосатый, чего захотел! — пробасил Вадим. — Дареное не дарят.

Действительно, часы для Вадима были заветной вещью.

А дело было так. Зимой авианолк наш располагался в осажденном городе. Улицы его были перекрыты баррикадами, противотанковыми рвами, загорожены колючей проволокой и стальными ежами.

На просторном аэродроме всюду страшные последствия фашистских бомбардировок. От ангаров остались одни развалины. Из снега торчали обломки крыльев и фюзеляжей.

Самолеты большие и малые стояли открыто на летном поле. Техники часто прогревали машины. Густой рев наполнял

стылый воздух. Молодые летчики с завистью смотрели на тех, кто получал задания. Каждому не терпелось поскорей побыть в деле.

Приходящих домой окружали, дотошно расспрашивали: как слетал, что видел? Ребятам крепко доставалось от «мессеров», которые рьяно охотились за ними, нещадно поливали пулеметными очередями. Жертв, однако, пока не было. У-2 укрывались в просеках, притирались к земле, и, хоть изрядно продырявленные, все же возвращались на свой аэродром.

Летчик старший сержант Владимир Слук так же, как и все, рвался в полет, хотел проверить себя в бою. Но был он скромный, тихий, потому терпеливо ждал своего часа. Другое дело его штурман Вадим Комадовский. Этот, не стесняясь, то и дело наседавал на командира эскадрильи:

— Хватит нам сидеть на теплой печке, задарма есть летный паек! Отправляйте на задание. Хочу фашистов вблизи увидеть.

— Что, руки чешутся? Успеешь, — успокаивал комэск.

И вот их черед пришел. Они получили приказ отправиться днем на разведку.

Самолет легко взлетел, коснулся серых облаков, низко нависших над землей. Погода была явно нелетная. Это радовало. «Мессеры» сейчас сидят в своих гнездах.

А им приходится идти низом, бредущим, принаравливаясь к местности, опасаясь столбов, вышек, деревьев. Это не просто. Но Слук десять лет был инструктором в аэроклубе, хорошо изучил повадки машины и управлял ею без труда.

Под крылом — бесконечные белые поля и рощи. Сонно. Безмолвно. У самолета открытые кабины с прозрачным козырьком. Однако козырек не спасает от хлесткого, колющего ветра, от вихрей, которые поднимает винт. Поневоле приходится ежиться, крутиться...

В зеркало Слук заметил, что Комадовский поджал плечи, уткнулся носом в козырек кабины и, похоже, о чем-то мечтает. Конечно, о скоростной авиации. Он же всем говорит о том, что будет летчиком-истребителем.

— Вадим, что с тобой? Дремлешь? — окликнул его в переговорный аппарат Слук. — Держи ушки на макушке!

— Э, старик. Будь спокоен. Стараюсь, аж шею свернул. Носок погрел немножко, — бодро басит в ответ ему Комадовский.

— Смотри в оба! Берегись, как бы с носом и голову не потерять! — улыбнулся Слук. Он уже успел подружиться со своим напарником и знает, что тот не из трусливых. Недавно они попали под жуткую бомбежку. «Юнкеры» волнами, одна армада за другой, бомбили аэродром. Взрывались и горели самолеты. Гибли люди. Кто-то из парка ракетами указывал направление ударов. Слук с Вадимом бросились туда на розыски диверсантов. Обнаружить никого не удалось. Комадовский, разъяренный, выскочил на аллею, ругался на чем свет стоит и грозил кулаками в небо. Пулеметные струйки взрывали снег возле его ног. Он не обратил на стрельбу никакого внимания.

— Кому нужно такое геройство! — крикнул тогда Слук.

— А что мне, холостому, неженатому. Я детдомовский, плакать некому!

А сейчас внизу в кудрявой изморози родная, но таинственная и враждебная теперь земля. Вот завиделась серая лента шоссе с телеграфными столбами, с оборванными проводами. Грудятся, лежат, задрав колеса, покореженные автомашины. Чернеют головешками сожженные хаты, сиротливо поднимаются в небо горбатые печи с высокими трубами.

Дальше по шоссе с двух сторон полыхает багровое дымное пламя. Еще одну деревню пожирает огонь. Рушатся крыши, разваливаются стены. Пылают сараи и риги. Нигде не видно людей. Черная собака задрала голову в небо и, вероятно, жутко вост.

— Варвары. Поджигатели. Уходят и оставляют после себя пустыню, — ругается Комадовский.

Сквозь монотонное тарыхтение мотора доносится глухой рокот. Летчики просматривают шоссе. Там, внизу, одна за другой ползут крытые брезентом автомашины, тягачи с пуш-

ками на прицепе. Фигурки в грязно-зеленых шинелях вытаскивают застрявшую полевую кухню.

— Фашисты! — закричал Комадовский.

— Много их? — спокойно спрашивает Сухов.

— Не сосчитать, — торопливо протирая запотевшие очки, откликается Комадовский. — Машин полсотни, десяток пушек. Угостить бы мерзавцев бомбочками. Жалко, не прихватили.

Длинная колонна автомашин ползет на запад. Похоже, фашисты слишком заняты бегством, и маленький самолет не пугает их.

На горизонте возникли контуры домов, водокачки, блеснули рельсы.

— Полотнянка, — доложил штурман.

Это конечный пункт разведки. Лететь дальше было рискованно. Но какие они разведчики, если не попытаются узнать, что творится там дальше...

— Вперед! Жми! — не раздумывая, взмахнул рукой Комадовский.

— Подожди, торопыга, — охлаждает его пыл летчик. — Зайдем в облака. Подберемся незаметно.

Самолет погружается в темную пелену облаков и вскоре появляется над станцией. Досадно, она в густой дымке.

— Старик, давай вниз! — в азарте горланит Комадовский.

— Не пори горячку. Наша задача рассмотреть все, запомнить и вернуться, — хладнокровно говорит летчик. Однако другого выхода нет, приходится снижаться. Решительно отвел штурвал вниз. Самолет вынырнул из облаков. Внизу, как на ладони, открылась станция. Площадь и прилегающие улицы к ней забиты вереницами автомашин. Горят костры. Немецкие солдаты греются, приплясывая и прихлопывая руками. На путях под парами стоят три эшелона. На платформах незачехленные танки и бронемашины, орудия. На запасных путях вагоны, цистерны. Полагаясь на непогоду, противник не ждал удара с воздуха. Фашисты шарахались, разбегались...

Однако испуг этот длился недолго. Распознав безоружный У-2, солдаты схватились за винтовки и автоматы. Застрочил

пулемет. Розовые вспышки трепетали внизу. Казалось, что по сильному ветру вьется множество красных флажков, что кто-то задался целью вышить серое небо алыми нитями. Их могли в любой миг подбить. Слуку стало жарко, захотелось побыстрее вернуться в облака. Рука машинально потянула, было, штурвал. Но уходить еще рано. Летчик переборол свою минутную слабость, прибавил обороты до максимальных, выжимая из своего тихохода предельную скорость.

Свинцовый дождь забарабанил по плоскостям. Какая-то пуля влетела в кабину Комадовского, чиркнула по самолетным часам, брызнули стеклянные осколки, покорежился циферблат.

— Гады, что делаете! — завопил Комадовский. И под горячую руку выхватив из кобуры пистолет, разрядил вниз, на скопление врага, всю обойму.

В кабине летчика зашаталась, заходила приборная доска, с громким треском соскочила со своего места и, качаясь, повисла на проводах.

«А ведь был на волосок от смерти», — словно не о себе, а о ком-то другом подумал Слук. Какой-то твердый комок застрял в горле и мешал говорить. Еще крепче сжал в руках штурвал и продолжал вести самолет и совершать маневры, не позволяющие врагу вести по ним прицельную стрельбу.

— Старик, здесь нам больше нечего делать. Давай вверх! — раздался голос штурмана.

Маленький самолет круто взмыл в серые облака.

Боевое крещение состоялось. У Слука пот струился по лицу, и соленые капли его попадали в рот. Пьянящее чувство радости владело им. Живы, невредимы, задание выполнено!

Комадовский, улыбаясь, кричал — не столько, пожалуй, Слуку, сколько себе:

— Драпают, как миленькие!

К счастью, в штурманской кабине приборы остались исправными. Слук легко, как на пуховую постельку, посадил на своем аэродроме самолет. Медленно выбрались они из кабины и увидели, что плоскости буквально изрешечены пулями.

Но считать пробоины было некогда. Прямо к ним на летное поле подкатила белая «эмка». Приказ: доложить о разведке в армейском штабе.

Поэтому ехали, изрядно оробев. Собрались с мыслями, еще раз прикидывая: сколько на станции вражеских солдат, какая там боевая техника, где расположена...

Летчиков и правда провели прямо в кабинет генерала. Они несмело вошли в большую комнату. На полу лежала широкая красная дорожка. Прямо у стены за массивным письменным столом сидел седоватый человек в кителе с двумя ромбами в петлицах. Он поднял на них задумчивые, добрые глаза и пригласил к столу.

— Чем порадуете, соколы? — хрипловатым голосом спросил генерал.

Слук, покраснев, слегка заикаясь, словно школьник, стал докладывать. Приготовленные фразы как-то вылетели из головы. Генерал понял его волнение и повел летчиков к карте, висевшей на стене. Слук теперь обрел спокойствие и подробно рассказал об увиденном. Комадовский помалкивал.

— Значит, отходят, пятаются. Хорошее известие, — раздумчиво говорил генерал.

— Бегут, товарищ генерал, — подтвердил Слук.

— Так, так... А почему вы такой сумрачный? — внезапно обратился генерал к Комадовскому.

— Несчастье у меня. Самолетные часы побило. Хорошие были часы. Без них какой я штурман.

— Не повезло, — улыбнулся генерал. Минутку постоял, будто что-то припоминая. А затем достал из ящика стола сверкающие никелем карманные часы. — Берите.

— Спасибо. Дороже золотых хранить буду, — радостно гаркнул Комадовский.

— Спасибо вам за важные сведения, — пожимая летчикам руки, напоследок сказал генерал.

По возвращении в полк Слук больше помалкивал, но Комадовский охотно, всякому желающему рассказывал и пересказывал о встрече с генералом, а про часы говорил:

— Послушай, как тикают. Нет, ты послушай. Исключительно четкий ход.

Позже Комадовскому немало приходилось летать на боевые задания. Но его никак не покидала дума о скоростной авиации. Он частенько заходил в штаб полка и надоедал просьбами отправить его на курсы летчиков-истребителей. И добился своего, направили его на курсы.

...Прошел год. Как-то на нашем аэродроме сел летчик-истребитель. От него мы узнали о судьбе Комадовского. У него на счету было уже три сбитых вражеских самолета. Но однажды ему не повезло. В тяжелом воздушном бою Комадовский израсходовал все боеприпасы и вынужден был пойти на таран бомбардировщика, не допустив его к цели. Оба самолета, пылая, рухнули вниз.

Образ горячего, неистового парня навсегда остался в моей памяти. До сих пор в ушах звучит его густой бас, последние слова, которые я услышал от него: «Дареное не дарят».

У КОСТРА

Ветер забавлялся костром. То раздувал пламя, причудливо лохматил его, то стихал, не мешая огню облизывать потрескивающий хворост.

Летчик Василий Протасов грелся у костра.

Его самолет был подбит при перелете линии фронта, пришлось сделать вынужденную посадку.

Пехотинцы в серых шинелях с интересом поглядывали на хмурого летчика. Им охота знать, много ли он перемолотил фашистов. Чьи самолеты надежнее — наши или американские? Вопросам конца не видно.

Протасов смутился. Видно, приняли его за большого аса, а он летает всего-навсего на маленькой «уточке». Только как людям объяснишь!

— Помилуйте, братцы! Какие там стервятники! Это вы, доблестная пехота, царица полей, постоянно ходите в атаку. А мы что! Мы воздушные извозчики, ночные птахи.

— Да-а, рассказывай! — недоверчиво возражали солдаты. — Мы же у тебя не военные тайны выпытываем. Брось, здесь все свои...

Один пожилой солдат с пышными черными усами, хлопнув Василия по плечу, сказал:

— Зря, парень, мутить нам мозги, скромничаешь! На машинку свою не обижайся. Машинка — хоть куда, крепко нас, пехотинцев, порой выручает. А уж фашисту дает — будь здоров! А воевать-то на «уточке» небось нелегко. Как-никак без брони, да и скоростенка не та. Достается вам, поди, на орехи! С тобой-то всякое, наверно, бывало? Расскажи-ка, не отнекивайся!

Протасов еще больше смутился. Задели за больное место. Он, как и многие его товарищи, давно задумал податься на «ястребки». Да все не выходит. А вот, оказывается, его самолет на хорошем счету.

Солдаты у костра сгрудились еще плотнее. Василий не курит, но они протягивают ему махорочки, бумажки, и он, стесняясь отказом обидеть людей, с превеликим трудом склеил толстую сигарку, прикуривать же пока не стал.

— Ничего особенного со мной не случилось. Летал, бомбил, почту возил, раненых, боеприпасы. Вот и все. Больше ничего такого не припомню...

И Протасов принялся палкой ковырять угли.

Он и в самом деле не знал, какой историей «откупиться» от солдат. Чем удивить тех, которые сами ходят с открытой грудью в атаку на врага?

Ему вдруг почему-то припомнилось, как после одной удачной бомбежки верный штурман розовощекий Миша Грязнов бросился его обнимать после посадки на своем аэродроме.

— Дружище, Василек, сегодня ты превзошел себя! Друзья мои, вы только подумайте, по нам зенитки палят, добрый десяток прожекторов скрестили на нас лучи, а он не свернул в сторону, летит себе и летит, как заговоренный. Я, грешным делом, малость струхнул, все жду, когда он махнет в кусты, в спокойную зону. А он и ухом не ведет. Ну, Василек,

ну, кремень... По такому случаю сегодня награждаю тебя своей порцией масла и блинчиков с повидлом.

— Масличко и блинчики — так это ж моя слабость! — усмехнулся Протасов.

— Кушай, детка, на здоровье! — грохнули смехом ребята. — Набирайся сил!

Но как об этом расскажешь?

— Не больно разговорчив ты, парень, — то ли одобрительно, то ли с укором сказал солдат с лихими буденновскими усами. — Ну, а молчком сидеть у костра негоже. Коли помалкиваешь, дозвольте, братцы, мне кой-чего рассказать. Вот сижу я среди вас живой-здоровый, а годок назад чуть в ящик не сыграл. Да спасибо одному такому же вот летчику. От верной гибели спас, а то бы поминай Константина Лыкова!

Он отобрал у Василия сухую палку, поковырял в костре и продолжал:

— Вот так же было — весна мокрая, ранняя. Серо, ветрено. Лужи под ногами хлюпают. Грязища. Ни дорог, ни путей. Фронт притих. И надо случиться оказии, шальной пулей зацепило меня в грудь. Света белого не взвидел. Кричу, охаю, ругаюсь. Медсестра, конечно, сделала все, что могла, перевязала и велит срочно отправляться в медсанбат. А какой, к черту, медсанбат, когда все кругом развезло. Словом, понял я, что дело мое табак... Но товарищи мои говорят: «Не дадим, дядя Костя, тебе помереть. Потерпи немного, к докторам доставим!» И понесли меня на самодельных носилках куда-то по трясинам и ухабам, обливаясь во сто потов. Дотащили до аэродрома, где стоял полк вот таких же ночников-молодцов. Принесли и очень довольны, меня ободряют: «Держись, дядя Костя, теперь мигом тебя до медицины доставят, а там заштопают, подлечат». Да не тут-то было. Сочувствуют летчики, но только плечами пожимают. Самолеты на приколе. С неба черт-те что валит — не то снег с дождем, не то дождь со снегом. И никакой видимости.

Но мои товарищи настаивают: «Неужели, братки, боевому солдату, у которого вся грудь в медалях, дадим ни за что

вот так и погибнуть? Себя не жалели, столько верст по грязи отчавкали!» А мне уж так плохо, совсем худо. Даже крепенько выругаться сил не хватает.

Тут один из летчиков, хлопчик вроде тебя, не вытерпел, бросился к своему командиру: «Я полечу. Спасать солдата надо». А командир трубку курит, запрещать не запрещает, но и разрешения не дает. Говорит, лететь, мол, опасно.

Но летчик твердо стоит на своем, уверяет, что при такой погоде ему летать не впервой. Не знаю, как они там договорились, но только скоренько понесли меня к самолету, посадили в кабину.

Трясет нас, подбрасывает, как в лихорадке. Мотор дико ревет. Не может взлететь, хоть тресни. Вижу, солдаты самолет качают за крылья, помогают ему от земли оторваться. В животе у меня все поджало. Неужто взлетели? Так оно и есть — летим. А куда — неизвестно. Ничего не видно. Вокруг будто молоко, белый туман.

Летим долго. Совсем одурел. Не видать мне больше ни дружков боевых, ни семьи милой. Все, точка, кончаюсь... Вдруг слышу толчок, другой, третий. Выходит, я еще живой. Понял, что самолет приземлился. Чую, меня дергают и осторожно трут мои уши. И голос как сквозь вату донесся: «Очнись, солдат. Прибыли». Открыл глаза и узнал своего летчика. Словом, доставил меня этот парнишка до медицины. Сдал меня еле живого. Ну, а врачи дело свое знают — воскресили из мертвых.

Теперь вот снова воюю. И собираюсь до Берлина дошагать. Не будь я Константин Лыков, если не сделаю этого, — заключил свою историю обладатель пышных усов. И вдруг повернулся к Протасову. — Плох я был тогда, худо видел, мало чего соображал... не до того... Но скажи, друг, это не ты был, случаем?

Все солдаты, как один, повернулись к Протасову в ожидании ответа. Протасов смутился. Что мог он ответить, что мог он утверждать? Ему припомнились десятки, сотни вылетов — вылетов при самой разной заковыристой погоде, в том

числе и в весеннюю распутицу. И раненых он множество перевез. И были среди них вот такие же усахи... Протасов какую-то минутку готов был даже признать этого солдата... Но к чему выставлять себя благодетелем? Однако и обидеть не хотелось. И Протасов ответил с осторожностью — вроде бы и раздумчивой, но будто бы и многозначительной:

— Вполне возможно, солдат, вполне возможно...

НЕВЕЗУЧИЙ

Аркаше Богатыреву с самого рождения не везло. Родился он досрочно: мать пошла с ведрами за водой, подкатилась и упала, и вот появился на белый свет семимесячный ребенок. Его допаривали на печке в лукошке с пухом. Правда, рос он потом нормально, но переболел всеми детскими болезнями. В школе особыми успехами не блистал, его, как говорится, перетаскивали из класса в класс за уши.

Был он тихоня, а потому частенько получал от своих сверстников подзатыльники и постоянно что-нибудь терял — то складной ножик, то учебник, то перчатки.

И вдруг совсем неожиданно и негаданно для себя и для других влюбился в авиацию. Да так, что ни о чем другом и думать не мог.

Это было время великих перелетов. Гремели имена Валерия Чкалова и Михаила Громова, Марины Расковой и Полины Осипенко. По улицам, явно фасоня, ходили молодые красавцы в блистательной летной форме с голубыми петлицами, с серебряными птичками. С тихой завистью провожал он взглядом крылатые корабли, проплывающие в небе.

Само собой понятно, что подал заявление в летную школу. И, как ни странно, прошел. Зато учился с необычайным рвением и восторгом, и закончил ее успешно. Когда началась война, он наравне с другими рвался на фронт.

Но его вместо боевого полка заслали в батальон аэродромного обслуживания. Это было очередное невезение. Он чуть не плакал, когда поручалось ему летать по хозяйствен-

ным делам. Это казалось ему ниже его достоинства. Летал он неохотно, а однажды покуражился и разбил самолет. В БАО с ним расстались без особого сожаления.

С подмоченной репутацией поступил в полк ночных бомбардировщиков. Там не торопились выпускать его в небо.

Набрался храбрости, пошел к замполиту полка, просил, умолял доверить ему боевую машину, клялся и божился, что не подведет, уверял, что нет ему житья без летной работы.

Аркаша Богатырев в свои девятнадцать лет далеко не соответствовал своей громкой фамилии, был низкорослый и щуплый. Однако при всем этом в голубых глазах его сверкала волевой огонек. Видимо, уловив сверкание этого огонька, комиссар поверил ему и замолвил за него словечко. Богатыреву дали машину, и он стал летать.

Но неудачи, как и прежде, преследовали его. Почем зря доставалось ему от вражеских зенитчиков. Доставалось больше, чем другим летчикам. Еле-еле доползал он до своего аэродрома, после чего его самолет долго чинили.

Однако, погоревав после очередной неудачи, Аркадий вскорости обретал новый заряд бодрости и духа и снова шел в полет.

Вот и сегодня Аркадий и штурман Лозовой летят к партизанам, везут боеприпасы. Синяя, лунная ночь. Внизу, в красной дымке, тихая и, кажется, такая мирная земля. Пока все идет нормально. Благополучно проскочили передовую. Внизу поблескивают рельсы, лежит извилистая речушка. Расчетное время подходит к концу.

Мотор вдруг закашлялся, зафырчал, застучал. Винт, застыв, сбавляя обороты, вращался судорожными рывками. Этого только не хватало! Аркадий сквозь зубы ругнулся и отчаянно начал двигать насосом. Не помогало. Внизу устрашающе чернел лес.

— Не было печали! — с досадой прокричал Лозовой. — Что ж, будем садиться! Выискивай площадку!

Оба напряженно всматривались вниз, отыскивая хоть какой-нибудь «пятачок» свободного от леса пространства.

— Аркаша, полянка! — наконец радостно воскликнул Лозовой и показал рукой.

— Полянка, — повеселел Аркадий. Хотел было попросить штурмана подсветить ракетой, да передумал: еще засекут.

Выжимая из мотора последние вдохи, Аркадий перетянул машину через лес и посадил, что называется, на ощупь. Самолет задержался, ныряя и вздымаясь словно на больших волнах. Площадка была в буграх и рытвинах. Вскоре скачки прекратились, самолет остановился, винт не вращался. Стало тихо.

— Здравсьте, приехали, — иронически пробормотал себе под нос Аркадий.

Они медлили выбраться из своих кабин. Обоим подумалось одно и то же: вдруг близко враги, в самолете же пулемет под руками.

И все-таки на этот раз невезучему Аркадию повезло: не разбился при слепой посадке.

Огляделись. Со всех сторон навалился темный лес. За каждым стволом таилось неизвестное. Долго сидели так. Наконец Лозовой сказал успокоительно:

— Тишь, да гладь, да божья благодать. Фашистов ночью в лес пряником не заманишь. Давай осмотрим машину?

Они вылезли из кабин и обошли самолет. Наружно все, казалось, было в полном порядке. Аркадий открыл капот и при свете карманного фонарика оглядел не остывший еще мотор.

— Ничего не разобрать, — признался он, — придется ждать утра.

— Будем ждать утра, — согласился штурман. — А там и подадимся к партизанам. Они где-то поблизости.

С большим трудом затащили тяжелый самолет в кусты, замаскировали ветками, набросали веток на землю и улеглись под плоскостями. Осторожно закурили.

Вынужденная посадка сильно расстроила Аркадия.

— Неудачник, как есть неудачник! И так вот всю жизнь! — пожаловался он.

— Оставь, Аркаша! На войне удача ходит рядом с бедой. И мне приходилось попадать в переplet! Думал, конец мне, амба, а эвон жив и здоров. Выкрутимся, не падай духом!

— Тебе что, Иван Иванович, у тебя одних боевых за двести. Авторитет несокрушимый. А я что? Птенчик ободранный. Опять по мне наряды скучают. Летать не дадут. Как пить дать, точно и абсолютно. Это в будущем. А сейчас? Мрак, туман. Не ровен час, нарвемся на немцев. Что тогда?

— Ну, хватит. Выберемся непременно.

Не спалось. Курили и курили. Раскрывали карту, укрывшись, освещая ее фонариком. Определяли место посадки. Прикидывали, где могут быть партизаны, где противник... Ночь казалась бесконечной. Сквозь комбинезоны пробиралась прохлада.

Наконец, на востоке зарозовело. Заискрилась роса на траве, на листьях. Запела малиновка. Застрекотал дрозд, слышался стук дятла. Ночью кустик, каждое дерево казались крадущимся врагом, а сейчас, при ясном утреннем свете, все предстало нарядным, спокойным, мирным...

Однако надо было разобраться с машиной. обстоятельно поковырявшись в моторе, Аркадий определил, что задрался поршень. Но и это только полбеда: даже управься они с мотором, им все равно не взлететь с этой небольшой, кочковатой и ухабистой поляны. Надо было добираться до партизан. Так и порешили. Заприметив свою полянку, они по узенькой тропке, засыпанной старой, прошлогодней листвой, углубились в лес. На всякий случай достали пистолеты. Двигались осторожно, крадучись, от дерева к дереву, стараясь, чтобы под ногами не трещал сухой хворост. После долгой и трудной ходьбы наткнулись на заброшенную, щербатую дорогу.

— Малоезженная. Конная. Фашисты по ней не ездят, — уверенно сказал Лозовой. — Верняком к партизанам приведет.

Решили пойти по дороге. То и дело осматриваясь и пригибаясь, пошагали по обочине. Вскоре лесок поредел и показалась деревушка. Чья она? Кто там? Залегли в кустах и повели наблюдение.

Вскоре до них донеслись какие-то разговоры. Говорили по-русски. По направлению к деревне шло пять человек с винтовками, одетые по-граждански. Но кто они? Партизаны? А может, полицаи? Решили выждать, когда пойдет кто-нибудь одиночный.

Через некоторое время появился парень в деревенской холщовой куртке и лихо заломленной фуражке. Летчики с изготовленными пистолетами поднялись из-за кустов. Парень вздрогнул, дернулся было плечом скинуть винтовку, но, увидев форму советских летчиков, широко улыбнулся:

— Свои?

— Свои, свои, — заверили Аркадий и Лозовой.

Но все же недоверчивость была и у летчиков, и у парня.

— А вы оружие свое уберите, — сказал парень.

Летчики убрали пистолеты.

— Так-то лучше.

Поговорили, покурили.

Наконец, парень повел их по лесной неприметной тропе. И вот они появились в хате командира отряда. Командир, обликом похожий на Тараса Бульбу, проверив у летчиков документы, вдруг спросил:

— Брюхи, небось, подвело?

— Есть маленько, — признались они.

— Марья! — гаркнул командир. Из двери выглянула пожилая круглолицая женщина. — Покорми-ка соколов чем бог послал.

Тотчас же перед летчиками на столе появился котелок с дымящейся картошкой, большие кружки с чаем и тарелка с ломтями хлеба.

А командир, словно оправдываясь, говорил:

— Извиняйте. Живем не ахти. Вот даже не могу выставить вам наркомовские сто грамм. Каратели все время наступают на пятки. То и дело меняем базы.

— Ну, а теперь о деле, — сказал он, когда они прикончили картошку и занялись смородиновым чаем. — Заходи, Гавриила Иваныч! — гаркнул он.

В горницу неслышно проскользнул сутулый сухонький старичок с круглой бородкой, одетый в солдатскую военную форму без погон. На ремешке через плечо висел у него в деревянной коробке маузер.

— Знакомьтесь. Гавриила Иванович, механик МТС, бывший, конечно. Спец по всевозможным машинам. Это добре, что вы нам боеприпасы привезли. Но и машину вашу в трущобе бросать не резон. Вытащим. Вылечим. Вот вам Гавриила Иванович. Даю его и еще десяток хлопцев, и еще шесть подвод. Грузите свой самолет и везите сюда. Действуйте веселей, не мешкайте, пока не расчихали фашисты.

...Солнце шло к полдню, когда необычная экспедиция по проселочной дороге добралась до заветной полянки. Предстояло заняться разборкой самолета, иначе его было не увезти.

Аркадий вообще-то представлял себе, как это делается, но на деле ему не доводилось заниматься разборкой самолета. Это делали техники. А тут нужда заставила. Их, «мастеров», было пятеро: Аркадий, Лозовой, Гавриила Иванович и два партизана, которые когда-то слесарили и могли отличить гаечный ключ от топора.

Отыскался в партизанских недрах кое-какой инструмент. Нашелся старенький английский ключ, небольшие плоскогубцы, несколько отверток.

Добравшись до лесной полянки, приступил к работе.

— Осторожней, товарищи, осторожней! Никаких чрезмерных усилий! Ни один винтик, ни один шплинт не должны ломаться, — предупреждали летчики.

Кажется, не так-то трудно отнять крылья. Но возни хватило. Недаром кто-то вполне серьезно сказал, что У-2 — это балалайка, обвешанная струнами. Сколько этих несущих и поддерживающих лент! Надо правильно расцепить их, размонтировать, суметь разъединить электропроводку и множество всяческих тросов и тросиков.

Постепенно самолет освобожден от крыльев. На земле лежит, как огромный кокон, один фюзеляж, но вот и он погружен на подводу. Погружены и крылья.

Брюхастые лошаденки неторопливо трогаются в путь. Аркадий облегченно вздыхает и закуривает. Но, оказывается, торжествовать еще рано. Лесные дорожки узки и извилисты. Хвостовое оперение застряло между деревьев. Аркадий нервно кусал папиросу и ругался:

— Как это я сразу не смекнул! Надо же! Разбирай хвост, ребята!

Только поздним вечером подводы с самолетным грузом прибыли в партизанский лагерь.

— Завтра с утра пораньше займемся сборкой, — сказал наконец измотанный Аркадий.

Чуть рассвело, он занялся мотором. Поблизости в лесу лежал разбитый У-2, у него оказались исправные поршни, один из которых Аркадий приспособил к своему мотору. Партизаны под руководством Лозового начали сборку самолета. Канители оказалось предостаточно. Порой приходилось применять и прикидывать детали по десятку раз, пока они надежно становились на свое законное место.

К вечеру самолет был готов к полету.

...И снова синяя, лунная ночь. У ребят доброе настроение. Задание выполнено. Удачно кончился их лесной плен. Перевалить через передовую — и они дома.

На подходе к передовой из леска на звук мотора забили зенитки. Черные облачка разрывов ложились все ближе.

— Приметили нас! — воскликнул Аркадий. — Давай, Иван Иванович, подбросим им огоньку.

— Попробуем, — согласился штурман. — Пулемет у меня в полной боевой готовности.

Аркадий развернул самолет на цель и повел на снижение, чтобы ударить наверняка. Тоненькие золотистые струйки из их пулемета потянулись к зенитчикам. Орудия стрельнули разок, другой и испуганно замолкли. Чуть правее от них, как зайчики, прыгали десятки солнечных бликов. Это стреляли по самолету из винтовок.

— Шуганем? — предложил Аркадий, продолжая снижаться. Штурман последним запасом свинца обрушился на про-

тивника. Высотометр показывал всего триста метров. Самолет, наверное, был хорошо виден противнику.

— Высоту, Аркадий! — рывкнул штурман. — Высоту давай!

Здрав нос, машина натруженно поползла вверх. Мотор гудел тревожно. Самолет закачало и начало кренить. Штурман услышал:

— Иван, ве́ди машину. Ранило меня...

Управлять самолетом Лозовому никогда не приходилось, но на раздумье времени не было. Примерно он знал, как это делается. Взялся за штурвал и поставил ноги на педали. Машина сразу почувствовала рули и стала набирать высоту. Виляла, качалась, но все же летела, летела!

Прошло тридцать долгих трудных минут. Завиделись приводные огни родного аэродрома.

— Аркаша, посадишь? — спросил он с надеждой.

Аркадий кивнул головой.

Эти тридцать минут и для Аркадия были целой вечностью. В глазах у него все кружилось, вертелось, расплывалось. Лунная ночь юмеркла, он не видел перед собой даже приборной доски. Охватывала жуткая сонливость. Но в голове, словно налитой свинцом, тяжелым молотом непрерывно бухала мысль: не спать, не спать...

— Аркаша, посадишь? — снова донеслось до него.

Он расслышал эти слова, понял, что наступил решающий момент, весь собрался, ожил и громко, как ему казалось, крикнул: «Подсвети ракетой!» Но эти слова он смог только еле слышно прохрипеть. Однако штурман понял его.

Обеими руками Аркадий схватился за ручку управления. Она показалась страшно тяжелой. Вспыхнула яркая ракета. Посадочное поле было свободно. Аркадий налег всем телом на штурвал. Автоматически приземлил самолет. Он понял это так же интуитивно, когда колеса коснулись земли и их слегка тряхнуло. И в тот же миг силы оставили его.

...В полевой госпиталь навестить Аркадия приехал Лозовой. Он сидел у его койки, улыбался, легко пожимал руку своего товарища и неумело взбадривал:

— Ничего, Аркаша, не горюй, были б кости, мясо нарастет.

— Везет мне как утопленнику, — упрямо возражал Аркадий. — Такая планида...

Лозовой не стал прекословить. Выволок из «сидора» пару банок мясной тушенки, сгущенного молока, грудку яблок и четвертинку водки. Все это аккуратно расположил на тумбочке около койки. Встал и сказал, как приказание:

— Поправляйся, Аркаша!

ЛЕТАТЬ, ВСЕГДА ЛЕТАТЬ

Мы знали причину его скверного настроения. Андрей Виниченко уже полмесяца томился без дела: не было свободной «лошадки». Жди, когда пригонят из тыла новые самолеты.

— А что, Андрей Макарович, — однажды почтительно обратился к нему молодой летчик Павел Банных, — есть у нас одна машинка. Да только никто на ней летать не решается. Зверь страшный. Барахлит почем зря. Стоит, пылится. Может, проветришь?

Виниченко отозвался не сразу:

— Предложение дельное.

— Только вряд ли командир полка разрешит. Не захочет, чтоб на его совести были загубленные души.

— Бояться за меня нечего.

Виниченко застал командира полка в штабе и, поприветствовав, обратился к нему со следующими словами:

— ...Район действий изучил. Болтаюсь, как цветок в проруби. Совесть мучает зазря летный паек есть. Слышал, в резерве стоит самолет...

— Стар он, потрепан... Надоела тебе голова?

— Ничего со мной не случится.

В свое время майор Изосимов, конечно же, достаточно полистал летную книжку Виниченко. По ней было видно, что летчик он незаурядный. Да и за две недели, что Виниченко находился в полку, представление о нем сложилось хорошее.

— Что ж, — медленно сказал майор Изосимов. — Знакомься с машиной...

...Пришла ночь. Поступило задание бомбить железнодорожную станцию. Напарником к Виниченко определили опытного штурмана Александра Усова. Самолету указан старт. Виниченко поручил на взлет, дал полный газ. Стали со скрипом, что называется, набирать высоту.

Пролетели десять, пятнадцать километров и поняли: силенки у мотора было явно не лишка. Рычаги секторов газа от тряски не держались в нужном положении. Ручка ходила ходуном. Левая рука пилота то и дело скользила на рукоятках, как на клавишах. Выходит, правду сказал техник, что это не машина, а «старый рояль».

— Командир, что рукояткой болтаешь? Все коленки мне поотбивал, — прокричал в переговорный аппарат штурман.

— Это «рояль» танцует, — отозвался Виниченко.

— Скоро передовая, — через некоторое время предупредил штурман. — А где высота?

Стали в «круг» и, сделав вираж, набрали высоту.

Наконец, достигли цели. Но тут вспыхнули прожектора. Режущие лучи скользнули по машине. Засверкали трассы пуль крупнокалиберных пулеметов, «эрликонов».

Штурман крикнул:

— Боевой курс!

Виниченко встал на боевой курс. Усов сбросил бомбы. Самолет слегка вздрогнул. В районе цели вспыхнуло два огненных взрыва. Это загорелись склады. Взрывной волной швырнуло самолет. Мотор словно бы застонал, завыл, но самолет не развалился.

Возвращались домой «на всех парах». Попутный боковой ветер добавлял скорости. Посадка, как и взлет, тоже оказалась нелегкой. Еле приземлились в самом конце аэродрома. Сказались люфты рулей управления. Вылезая из самолета, Виниченко облизал губы и вытер пот со лба. На КП доложил командиру полка, что боевое задание выполнено.

— Ну, как истребитель? — шутливо спросил Изосимов.

— Еще тот! — в тон ему ответил Виниченко.

Целый месяц летал Андрей Виниченко на этом «старом рояле», принаравливаясь к его выходкам и причудам, пока не были получены новые самолеты.

...Однажды мы с Андреем Виниченко летели в штаб дивизии. День был ясный, синий. Ярко светило солнце. Виниченко мастерски вел машину бреющим так, что под нами гнулся от ветра кустарник и шевелилась трава.

Я озирался по сторонам и просматривал небо. Пока все шло благополучно. Но вот перед нами лесной массив, пришлось подняться на большую высоту.

Тут-то Виниченко и вскрикнул:

— «Мессера»!

В стороне реяли две черные машины. Они явно засекли нас и повернули в нашу сторону. Чувство было такое, будто за тобой гонятся матерые бандиты с ножами, а ты безоружный. Куда податься? Где спасение?

Лес кончался. Перед нами было село с серыми хатками. На окраине его на зеленой полянке белела церквушка.

— Не паникуй, Иван. Живы будем, не умрем! — кричит мне Андрей и с ходу сажает самолет на полянку.

Оставляем мотор на малом газу, а сами что есть сил бежим и укрываемся за каменным парашетом. «Мессеры» заходят в атаку. Гавкают пулеметы. Летят комья земли, крошится на каменной стене штукатурка. Но мажут и проносятся мимо.

Выглядываем из-за укрытия и видим, что «мессеры» поворачивают на второй заход. Виниченко, не говоря ни слова, бросается к самолету и рулит по земле на другую сторону ограды.

«Мессеры», сердито воя, пролетают над прежним местом. Но там самолета нет, и происходит чудо. Вражеские машины поднимаются и уходят. Просто не верится. Но, вероятно, у них на это была своя причина.

— Пронесло, Андрюха, — говорю я. — Чего ты так рисковал этой передвижкой?.. Могли запросто подстрелить.

— Самолет жалко. Сожгут, ходи тогда опять безлошадным, — отвечал Виниченко.

Андрей Виниченко любое поручение выполнял с большим рвением. Если требовалось кого послать на особо рискованное задание, выбор майора Изосимова обычно падал на Андрея.

Виниченко шел на аэродром, седлал свою «лошадку» и отправлялся в путь. А вернувшись, докладывал, что дело «зроблено». В общежитии брал свою неизменную подругу-гитару и тихонько баском напевал: «Взяв бы я бандуру, та й сыграв, что знав...»

Как-то раз командир полка поставил ему такую задачу:

— Выйдешь на Солнцево. Вызовешь огонь на себя, а в это время наши самолеты прорвутся к вражескому аэродрому.

Так уходил на задание флагманский экипаж пилота Андрея Виниченко и штурмана Василия Малеванного.

Над вражеским аэродромом царила тишина. Наш экипаж пробрался к нему с тылу.

— Сейчас дадим вам побудку, — произнес Виниченко и включил бортовые огни, а заодно и фару, чтобы с земли видней было. Затем выпустил на летное поле ракетные снаряды. Штурман обрушил фугаски по самолетам, укрытым в стоянках.

Там, внизу, зашевелились. Вспыхнули прожектора. Затахтели зенитки... Неприятно быть птицей, за которой охотятся, а Андрей, словно играя, бросал машину в самые невероятные виражи, дразнил неприятеля.

В это время самолеты полка спокойно подобрались к аэродрому и начали свою работу. Андрею можно было уходить, и он направил самолет в безопасное место, но в самый последний момент снаряд «эрликона» угодил в последнюю, еще не сброшенную светящуюся бомбу. Она тотчас вспыхнула заревом. Малеванный попробовал было гасить пламя, сняв с себя куртку, но куда там!

— Андрей, прыгаем! — крикнул штурман, выбираясь на плоскость пылающего самолета. Прыгать с парашютом Андрею приходилось не раз. Не успел он выбрать место для при-

земления, как уже больно стукнулся ногами о землю. В мглестом рассвете расстилалось большое поле желтеющей ржи.

Андрей знал, что приземлились они на вражеской территории. Кинжалом он вырыл яму, в которую запрятал парашют, засыпал его землей. Василия Малеванного поблизости не было. Надо отыскать штурмана. Пригнувшись, раздвигая мокрую рожь, Виниченко стал пробираться в сторону, где, по его предположению, мог находиться Малеванный.

Светало. Он стал пробираться к лесу. Едва скрылся за стволами деревьев, как увидел на опушке в каких-нибудь ста метрах от себя автоматчиков в серо-зеленых мундирах. Они стреляли, прочесывая рожь. Он сумел вовремя уйти.

А что, если там Малеванный? Злоба закипела в нем. Он рывком вынул пистолет из кобуры и лишь большим усилием воли удержал себя от желания выстрелить в автоматчиков. Что он может сделать со своим пистолетиком.

В густом ельнике и осиннике был полумрак. Виниченко нагреб себе большую кучу прошлогодних листьев и укрылся в ней.

Усталость сморила, и он уснул. Когда проснулся, сел и недоуменно огляделся, с трудом припоминая случившееся.

До темноты трогаться было опасно. Захотелось есть. Выпил немного из фляжки и съел половинку сухаря. Малеванного не было. Андрей осторожно пошел лесом на звуки передовой. Ему было известно, что наши еще вчера прорвали оборону врага, и теперь устойчивой линии фронта не было. Значит, можно найти участок, где удастся проскочить к своим.

Сгушался сумрак. Как ни осторожно он шел, но едва не напоролся на гитлеровцев. Звуки лающей речи раздались где-то рядом так неожиданно, что он вздрогнул. Сквозь стволы деревьев на полянке, освещенной костром, виднелись человеческие фигуры. В кустах неподвижно застыли два танка.

Стараясь не наступать на сухой валежник, Андрей боком-боком двинулся в обход. Всю ночь бродил он по лесу. Наутро, выбившись из сил, снова спрятался в гуще леса. С наступлением темноты опять стал пробираться на восток.

На третий день фляга совсем опустела, сухари были съедены. Голод сверлил желудок. Андрей упорно пробирався к передовой. Вот он дополз до пустых траншей и окопов. В них находились груды трупов. Зло кусались мухи. Шла артиллерийская перестрелка. Небо гудело от самолетов. Где-то близко бахали бомбы.

Вероятно, наши войска были совсем недалеко. Лишь ночью он дополз до проволочных заграждений, кинжалом перерезал вражеские тенета, удачно миновал минное поле и натолкнулся на свой дозор. Утром в полуразрушенную деревеньку, где размещался наш полк, еле передвигая ноги, пришел запыленный, измазанный грязью, осунувшийся и бородатый. Прямо на улице его обнимали и тискали.

— Жив, Андрюха!

— Жив, хлопцы. Явился с того света, — хрипло отвечал встречным.

А на другой день появился Василий Малеванный. Первым к нему навстречу бросился Виниченко.

Трудные фронтовые дни и ночи. Их у Виниченко было немало. Гибли друзья, а он оставался живой, неуязвимый. Какими-то таинственными, неизвестными нам путями идут человеческие судьбы. Ну пусть ему выпала удача раз, другой, третий, но не десяток, не сотня. Тут уж, очевидно, сказывалось умение и летное мастерство.

...Кончилась война. Знаю я, Андрей Макарович после войны еще послужил в Прибалтике, на Дальнем Востоке, Сахалине... Летал на реактивных самолетах и вышел в запас в звании капитана.

Умер он не в воздушном бою. Сердце...

С ЗАДАНИЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Анатолий Казаков не любил рассказывать о себе. Собственно, рассказывать-то нечего. Биография лишь начиналась. Только закончил институт, собирался в родном селе преподавать русский язык. Но началась война, и пошел в военкомат,

добился направления в авиашколу, после которой прибыл к нам в полк.

Я хорошо запомнил коренастую фигуру Казакова, его смуглое скуластое лицо с чуть прищуренными серыми глазами, острый подбородок, коротко подстриженные русые волосы.

На Казакове ладно сидела чистая гимнастерка с белым подворотничком. Ходил он не спеша, чуть наклонив голову. Говорил спокойно, не горячась. Был вежлив. Водку не пил. Женщинами не увлекался. Танцевал без особой охоты, топорно и объяснял: «Без этого можно прожить». Почти не шутил. Видимо, сдержанность эта пошла от того, что избрали его неосвобожденным комсоргом полка, а когда вступил в партию — парторгом эскадрильи.

Летом, где бы мы ни находились, Анатолий отыскивал площадку для волейбола, натягивал сетку и приглашал всех желающих. Играл он увлеченно и хорошо.

Зная наше пристрастие к танцам, уговаривал штабного писаря — хорошего музыканта — поиграть на баяне. Прямо на лужайке под тополями начинался «бал».

— Кавалеры приглашают дам, а за неимением таковых танцуют друг с дружкой, — провозглашал Казаков. Сам же, станцевав для почина вальс с официанткой из столовой, садился в сторонке.

В свободное время он бродил по березовым рощам. Слушал шорохи леса, пение птиц, дышал медовыми запахами трав. Мечтал о той поре, когда вернется домой, в свою школу, и станет учить детей.

Бывало, зазывал Анатолий нас в лесную чащобу. На зеленой полянке, собравшись в кружок, толковали мы о дружбе, чести, любви. Пели песни. Анатолий не был заправским певцом, но всегда пел вместе со всеми.

Развлечением нашим была стрельба из пистолета. Пострелять он любил. Помнится, однажды повесил на щиток серебряные часы — отцовский подарок — и предложил всем с пяти шагов «обстрелять» так, чтобы пули почти коснулись их. Ни-

кто не решился на это, зная, какую ценность представляют часы для него.

А он, положив пистолет на согнутую руку, прицелился и четырежды выстрелил. Пули крестом впились в дерево около часов. В меткости стрельбы с ним никто не мог соперничать.

В ненастную погоду в общежитии можно было слышать звучный голос Казакова. Он любил вслух читать стихи. Знал их множество, на память, читал хорошо, но всегда волновался и декламировал, слегка побледнев.

Он часто читал Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать!

— Толя, еще, еще! — просили его. И он не отказывался. Опять звучали стихи, на сей раз Багрицкого:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я вместе с ним шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.

В своей походной штурманской сумке Казаков постоянно возил несколько книжечек любимых поэтов, а в чемодане хранились институтские конспекты по литературе.

Боевой полет — всегда испытание мужества. Уходя на задание, Анатолий твердо верил в свою удачу. Он был настоящим штурманом. За короткое время у него уже было больше сотни вылетов. И в каждом он проявил себя с самой лучшей стороны. На его гимнастерке алел орден Красной Звезды. Но однажды самолет Казакова не вернулся с задания. Это было, когда наши войска гнали фашистов и мы вступили на землю Латвии.

По шоссе шумным потоком на запад текли автомашины, двигалась артиллерия. Мы ехали на открытом «виллисе»

осматривать новый аэродром. Зной и пыль мучили нас. Пришлось свернуть с дороги и остановиться на отдых под тенью ветвистых дубов и кленов.

Еще недавно тут шли бои. Теперь здесь глубокий тыл. Весело и беззаботно щебечут птицы. Пахнет цветами и зеленью.

На небольшой полянке я заметил невысокий холмик, обложенный аккуратно дерном. Это была могила. Я подошел к ней и задумался.

— Русский летчик похоронен, — сняв шляпу, тихо сказал внезапно появившийся старик-латыш.

Места эти я знал хорошо по карте. Наш полк летал сюда на бомбежку. В памяти еще не изгладилась потеря младшего лейтенанта Анатолия Казакова. Возможно, это была его могила?

Я подозвал товарищей.

— Этими вот руками, — показывая узловатые пальцы и шершавые ладони, сказал нам старик, — закопал я его в землю.

По морщинистому лицу Яниса (так звали деда) пробежала слеза. Старик, мешая русские и латышские слова, поведал нам о последних днях неизвестного летчика.

Месяц назад на рассвете старик услышал громкий собачий лай. Вышел из дому и прислушался. Из кустов, что были возле дороги, доносились стоны. На земле в судорогах корчился человек в обгорелом комбинезоне. По его одежде старик догадался, что это русский летчик, и подумал: «Тут оставаться ему опасно. Враги увидят». Янис стал поднимать его. Тот схватился за пистолет.

— Не бойся. Не выдам. Пойдем в хату. У меня не найдут, — уговаривал он. С большим трудом летчик понял латыша и, морщась от боли, поднялся с земли, опираясь на его плечо, поковылял к дому.

Русского летчика уложили на кровать в маленькой комнатушке. Старик и старуха принялись за его лечение. Обожженные части тела смазывали сметаной, прикладывали целеб-

ные травы. Но все это мало помогало. Летчик слабел, бредил и часто терял сознание.

Старик, опасаясь за жизнь летчика, доверился русской девушке, работавшей санитаркой в немецком госпитале. Она пришла вечером и принесла мазь от ожогов, сделала перевязку.

А на рассвете в ворота хутора властно застучали. Янис сразу понял, кто может так дерзко и нахально себя вести. Он кинулся в комнату к летчику и стал поднимать его с постели.

— Скорей уходим. Фашисты, — сказал он дрогнувшим голосом. Русский торопливо натянул брюки, взял из-под подушки пистолет и сунул его в карман. В одной нижней рубашке, босиком, пошатываясь, опираясь на старика, он пошел через задние двери в огород. Оттуда можно было пробраться в лес.

А в ворота свирепо стучали и ломились. Запор не выдержал и сломался. Враги бросились в дом. Они осмотрели комнаты, кухню, чулан. Увидели смятую постель. Офицер в черной форме, эсэсовец, закричал на старуху:

— Где рус?

Она развела руками и громко заплакала. Фашисты заметили заднюю дверь и кинулись туда.

Светало. Старик с летчиком еще не успели выбраться из огорода. Их заметили и закричали:

— Рус, хальт! Хенде хох. Сдавайс!

— Беги, отец, а то худо тебе будет. Я прикрою. Беги, — сказал летчик.

Вместо того чтобы поднять руки вверх, он выстрелил по солдату, который бежал впереди. Обливаясь кровью, солдат упал на землю, схватившись за грудь. Остальные солдаты и офицер залегли среди грядок капусты.

— Вафен хинлеген! — крикнул офицер.

Летчик отозвался выстрелом из пистолета.

— Десятеро против одного. Живым меня не возьмете, — проговорил летчик сквозь зубы.

Офицер подал команду: «Файер!»

Солдаты из автоматов открыли беглый огонь по кустарнику, в котором был летчик. Прошло еще несколько минут. Ответных выстрелов не последовало. Тогда солдаты поднялись и несмело пошли вперед.

Летчик лежал грудью на земле, в руке он сжимал пистолет. Эсэсовец подошел к нему, тронул его ногой и убедился, что он был мертв. Латыша нигде не было, он успел проскользнуть сквозь изгородь и уйти в лес. Преследовать его не стали.

За смерть своего солдата офицер приказал поджечь избу.

На другой день старик вернулся на свое пепелище. Летчика он похоронил, вырыв могилу в лесу.

Старуха видела, как офицер перебирал в руках штурманскую сумку, изучал ее содержимое, рассматривал серебряные часы русского.

А всего через три дня после трагических событий на эту многострадальную землю пришло освобождение, пришли советские войска.

...Мы с волнением прослушали старика. Вероятно, это был наш Казаков. Сняли фуражки и минутой молчания почтили память погибшего друга.

ЭТОТ ЧУДАК БУРЦЕВ

С этим Бурцевым всегда все шло наперекосяк. Судите сами.

Маленький наш авиационный полк запрятался в сосновой роще. Лето было зеленое-презеленое, солнце яркое-преяркое, васильки-ромашки прекрасней некуда. Но шла война.

В ту пору и появился в нашем полку Николай Бурцев. Он, как и все, хотел скорей пойти на боевое задание, но пока был не облетан, не опробован, его посылали в наряды — то караулить самолеты, то дежурить на аэродроме, то еще что-либо делать.

Ясно, что у парня было неважное настроение. А в это раннее утро он вообще шел, повесив голову, и его сопровож-

дали трое пехотинцев с автоматами. При общем нашем молчании они прошли к деревянному домику, в котором был штаб полка.

Вот так перед начальником штаба Вавиловым на этот раз предстал Бурцев с большим синяком под правым глазом.

— Товарищ капитан, — проговорил он, — вы же вчера отправили меня жечь костры на ложном аэродроме, а эти, — кивнул он на свою охрану, — скрутили меня, диверсант, говорят, чуть не убили.

— Нешто это летчик — в ботинках с обмотками, в такой распатланной одежонке, — неуверенно сказал широколицый солдат. — Сказки рассказывает!

— Кхе, кхе, — закашлялся капитан. Ему было неудобно, что некоторые летчики были скверно обмундированы, а он перед БАО не настоял на получении положенной формы. — Наш это человек. Зря вы его задержали.

— Уж больно подозрительно выглядит, — упрямо высказал свое круглолицый солдат. — Но коли так, уж вы извиняйте нас.

— Можете быть свободны, — сказал капитан.

Солдаты ушли. А Бурцев чуть не со слезами на глазах обратился к начальнику штаба:

— Когда же нас оденут по форме?

— Ладно, сержант, учтем. Иди отдыхай, — сказал Вавилов.

Прошло несколько дней. Бурцеву выдали новенькое обмундирование, комэск проверил на технику пилотирования, убедился, что ему можно доверить боевую машину.

Горячее время для Бурцева наступило. Он стал летать на боевые задания. Частенько возвращался домой на искалеченной, израненной машине, говорившей о том, что она побывала в жарком деле.

— Да что ты, нарочно, что ли, под зенитки лезешь? Столько работы нам даешь, — говорил инженер эскадрильи.

— Видимо, любят меня зенитчики, хорошо угощают, — отшучивался Бурцев.

Бывали ночи, когда ему приходилось совершать до десяти-двенадцати вылетов. Так что наутро вылезал из самолета — ноги подгибались, еле-еле добирался до столовой, подкреплялся, потом валился на свою койку и засыпал мертвецким сном.

Да и вообще он любил поспать. Когда не было вылетов, забирался под одеяло и давал здорового храпака. От всяческих «академий», от строевой подготовки старался увильнуть, и где-нибудь в укромном местечке добрать часок-другой.

Любимым его развлечением, как и многих других, были танцы. На земляной площадке, поднимая пыль, кружились пары. Лихие танцоры усердно вертели местных девчат. Бурцев не был писанным красавцем: курносый, толстогубый, с круглым широким лицом. Но это не мешало ему считать себя галантным кавалером и засматриваться на пригожих девушек. На вечеринки являлся он во всем великолепии: сапоги надраены до блеска, в петлицах сверкают серебряные итички, сам чисто выбрит. Больше всех нравилась ему сержант метеослужбы Мария — кругленькая, румяная, жизнерадостная. Ему удалось потанцевать с ней пару раз. И погиб парень! Стали ему сниться красивые сны. Прекрасная Мария нисходила к нему... Одним словом, голова бедняги закружилась в любовном вальсе.

Как-то днем летал он по связи и на армейском аэродроме нарвал букет полевых цветов. Подлетая к своей деревне, он трижды крутанул самолет вокруг домика метеостанции, чуть не стащил с него крышу. Девчата, конечно, перепугались, убежали из домика, сердито машут руками, возмущаются, а он взял да и сел на дорогу, подрулил к домику, выскочил из самолета и приподнес даме своего сердца пышный букет. Она покраснела, принялась отказываться, но он сунул ей в руку цветы и, страшно довольный собой, вновь взлетел.

Однако этот рыцарский поступок не обошелся ему даром. Командир эскадрильи и начальник штаба дали ему нагоняй. А эскадрильские ребята еще подлили масла в огонь:

— Напрасно ты на коленки вставал перед королевой Марго. Она давным-давно зафрахтована. За Виниченку просватана.

После этого Бурцев пришел в себя и отрезвел от своей неудачной любви.

Отбыв наказание, Бурцев начал снова летать. О нем стали поговаривать как о незаурядном летчике. А с легкой руки толстяка-доктора окрестили чудачком.

Дело было так. Звездной ночью самолеты летали на бомбежку крупного аэродрома. Бурцев вышел на цель последним. Растревоженные зенитчики злобно огрызались. Заслышав шум, фашисты включили до десятка прожекторов. Стало светло, как днем. Небо опуталось красными тенетами снарядных вспышек.

Яркий свет резанул глаза Николаю. Осколки снарядов с треском рвали перкаль. Холодок пробежал по телу, стало как-то не по себе. Чувство самосохранения толкало уйти в безопасное место, но Бурцев преодолел его.

Он оглянулся на штурмана и увидел его растерянное лицо, округлившиеся глаза. Чтобы отогнать робость и страх, он пошутил:

— Ну, сват, не вешай носа, живы будем, не помрем! Готовь наши гостинцы, пусть враги празднуют труса!

Спасаясь от зениток, Бурцев с небольшими кренами повел самолет к земле, прямо на цель. Стрелка высотометра плясала: восемьсот, шестьсот, четыреста метров. И вот облегчение: лучи прожекторов и зенитные всполохи уже играли где-то вверх.

Под самолетом в багровых пожарах — место предыдущих бомбежек — зубчатая опушка леса. В капонирах темнеют силуэты вражеских машин.

— А, попались, вас то мне и надо, — громко кричал штурман, нажимая на ручку бомбосбрасывателя, — вот вам шах, вот вам и мат!

Бурцев резко рванул самолет в сторону. Высота небольшая, и, чуть помедли, взрывной волной шибанет.

Секунда, другая, и темное небо лижут новые языки огня. В одном из капониров в судорогах корчится огромный ящер — «юнкерс».

У-2 идет на снижение. Высота всего пятьдесят метров. Теперь никакие прожектора не страшны. Однако машина что-то плохо слушается рулей. Летит, покачиваясь. Уже следует набирать высоту, а она не слушается, приходится «играть» оборотами мотора. «Э, черт, видимо, повреждены элероны. А это что? — Бурцев вытирает кровь со лба. — И меня цапнуло. А где боль? Боли нет. Видимо, пустяки».

Николаем все еще владел азарт боя, и в то же время он уже почувствовал радость избавления от опасности. Они прошли сквозь зенитный огонь — и целы, здоровы. Все остальное чепуха!

Кругом была тишина. На темно-синем небе мерцали голубые звезды. Бурцев заприметил одну яркую, лучистую. «Если не погаснет, не спрячется в тучах, значит, благополучно доберемся домой», — загадал он. И все время следил за ней. Звезда спокойно сияла. А самолет совершал крены и загогулины и, как уросливый конь, не хотел слушать.

Так прошло сорок томительных минут. Наконец, замелькали огоньки линии фронта. Бурцев облегченно вздохнул — до своего аэродрома рукой подать.

При посадке самолет буквально бухнулся на землю и, как жук, пополз по полю. Бурцев первым выбрался из кабины. Следом за ним вывалился штурман.

Летчик с жалостью смотрел на машину. Крылья были разлохмачены осколками снарядов.

— Что наделали, — сокрушенно говорил он.

К ним подбежали люди. Запыхавшись, подошел командир полка Изосимов.

Вытянувшись и взяв под козырек, Бурцев доложил:

— Товарищ майор, задание выполнено. Сожгли «юнкерс».

Кто-то осветил фонариком Бурцева. Лицо его было спокойное, но бледное. Из-под шлема по щеке обильно текла кровь.

— Ранен? — спросил Изосимов и распорядился: — Врача немедленно!

— Пустяк, — отмахнуля Бурцев, — царапина...

— Ну, Коля, а мне об этом ни словечка, — упрекнул штурман.

— Стоило ли понапрасну беспокоить, — усмехнулся Бурцев.

Сейчас самое время сказать о полковом враче Максиме Максимовиче. Это был заботливый, добродушный человек лет под пятьдесят, с явно заметным брюшком и розовыми пухлыми щечками. Все звали его «отчаянный строевик» и «профессор». Он ходил, переваливаясь, как утка, и ничего военного в нем не было, хотя на петлицах носил шпалу. В карманах шинели у него всегда содержалось множество всяческих порошков и таблеток.

Так вот, вокруг Бурцева суетились Максим Максимович и медсестра Лида. Осколком снаряда у Николая был распорот меховой шлем и задета голова. Ему сделали перевязку. Врач пощупал пульс и сказал:

— Слушай, батенька, кончай тары-бары, отправляйся в госпиталь, с головой, знаешь, не шутят.

— Что вы, Максим Максимович, из-за легкой царапины! Дайте, товарищ майор, другую машину, хоть сейчас полечу.

— Какие тебе полеты, рехнулся, что ли!

В общежитии Бурцев завалился на свою койку и моментально уснул, слегка похрапывая и чему-то безмятежно улыбаясь.

А милейший доктор покачивал головой и удивленно твердил:

— Право, чудак этот Бурцев, право, чудак!

Кличка «чудак» прочно закрепилась за Бурцевым после налета на крупный железнодорожный узел. В то время экипажи полка широко применяли полеты в паре. После взлета один самолет пристраивался к другому, и оба вместе шли на задание. В районе цели нижний самолет набрасывался на вражеские прожектора и зенитки, заставляя их гаснуть и молчать, а другой в это время спокойно бомбил.

Бурцев привык летать в паре с Костей Крицким. Костя — тоже молодой пилот, но уже достаточно поняухавший порох, неплохо знал свое дело.

В тот раз самолет Крицкого шел чуть ниже Бурцева и левей. На высоте тысяча метров они миновали линию фронта. Впереди виднелось багровое зарево. Это головные экипажи уже потрудились над целью. Еще несколько минут — и вот они над станцией. Горят склады. По путям снуют паровозики, переставляя вагоны и платформы.

Штурман Спиридон Приезжев выбирает достойный для бомбежки объект. Он то и дело командует пилоту:

— Доверни вправо, еще вправо!

— Мы же не на полигоне! — ругается Бурцев, но беспрекословно выполняет команды штурмана.

Прожектора и зенитки берут их в оборот. На выручку приходит самолет Крицкого. Его штурман сбрасывает бомбы на зенитчиков и полосует прожектористов пулеметным огнем. Иллюминация тухнет. Становится темно, и в то же время легко на душе. Воспользовавшись передышкой, Спиридон обрушивает бомбы на большой каменный дом, который рушится, как карточный домик. Штурман видит как Бурцев показывает ему большой палец, мол, бомбил ты на «отлично». Приезжев, довольный, улыбается.

Самолеты возвращаются домой. Но что это? Самолет Крицкого катастрофически теряет высоту. Что-то случилось с напарником. Может, все же дотянет до дому? Но нет, высота падает. Световыми сигналами Бурцев дает знать своему дружку, что понял его бедственное положение. А самолет Крицкого с ходу, включив фару и освещая землю, резко пошел на посадку. Внизу белеет небольшое поле.

— Спира, выручать надо ребят, — сказал Бурцев.

— Надо, — откликается штурман.

Бурцев включил фару и осторожно повел самолет к земле. Их тряхнуло на каких-то кочках. Машина остановилась около подраненного самолета, у которого уже копошились летчики.

— Костя, что с вами? — вылезая из кабины, спросил Бурцев.

— Не повезло, мотор подбили. Повреждены оба магнето, — ответил Крицкий.

От большака, который оказался близко, доносился шум автомашин. Это двигались вражеские автоколонны. Фрицы еще не расчунали, что рядом с ними в бедственном положении находятся советские летчики.

— Садитесь оба ко мне. Нечего тут прохлаждаться да ждать, когда вас обнаружат. Один лезь к Спиру в кабину, другой закрепляйся на крыле.

— А с самолетом как быть? — спросил Крицкий.

— Оставим волкам на съеденье!

На своем аэродроме экипажи Бурцева и Крицкого сочли погибшими. Вышло все расчетное время. Все самолеты уже были в гнездах. И вдруг свет фары, привычное приземление, самолет зарулил на стоянку... Люди кинулись к летчикам с объятиями и поцелуями.

— Оставьте телячьи нежности, — отмахивался Бурцев, тяжело сопя.

Они медленно, усталой походкой пошли в штаб, на доклад.

— Где вы болтались? — с напускной строгостью шумел на них смуглый и хмурый на вид командир полка Изосимов. — Да разве дело — садиться у врага! А приказ командира дивизии не возить пассажиров вам хорошо известен. Читали, расписывались, а что делаете?

— Так-то с пассажирами, — нашелся Бурцев, — а это свои ребята. Подбили их. Не бросать же на произвол судьбы.

— Не морочь нам голову. Нарушил приказ. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— Раз ясно, ступайте отдыхать. А с тобой, Бурцев, мы еще подумаем, как поступить, чудака ты эдакий. Только с тобой и разбирайся.

Вечером полковой писарь сообщил Бурцеву по большому секрету, что командир полка приказал составить на него наградной лист на орден Красной Звезды.

Летали на бомбежку вражеского аэродрома. Застрял он у всех наших летчиков, что называется, в печенках. Его крепко охраняли. Чуть что, вражеские зенитчики не жалели огня.

А в тот раз, как на грех, ночка выдалась непутевая. Облака шли высоко. Луны не было, но откуда-то излучался тусклый, предательский свет.

С задания только что появился Цибулевский. Его самолет бухнулся у самого «Т» и, бороздя землю, поднял столбы пыли. Развернулся вокруг своей оси, прилег на разлохмаченное крыло. Хмурый летчик вылез из кабины и процедил сквозь зубы: «Ох, жарко! Понаставили там новых зениток».

Свою очередь на взлет ждал экипаж «лебеди-гуси», как в шутку прозвали их ребята — эскадрильские остряки. А все из-за того, что фамилия летчика была Лебедев, а штурмана Гусев. Сначала парни было отбояривались от этих кличек, но ведь пристанет — силой не отдерешь.

Миша Лебедев отбивался от шутников:

— Лебедь птица наиважнейшая, королевская. А гуси, к вашему сведению, Рим спасли. Памятник им воздвигли. Куда вам, утятам, за нами!

И вот «лебеди-гуси» стояли у самолета, попыхивали папиросами, перекидывались ничего не значащими словами. На лицах не было ни тревоги, ни беспокойства.

Говорят, военная служба любит веселый нрав. Юмором наши парни не были обижены. Характерами они сошлись. На войне, как известно, случались и передышки. Такое время летчики не упускали. Торопились посмеяться, поплясать, попеть. Летом где-нибудь на лужайке, зимой в какой-нибудь сараюшке закатывали «балы». Баянист развертывал гармонь, и ребята показывали свои таланты.

И среди всех талантов выделялись наши друзья. Пошел второй год, как их определили в один экипаж. За это время побывали они во всяческих переделках. Но ребята летают, как и пляшут, — превосходно...

Дружки забираются в кабины. Вспыхивает зеленая ракета. Тяжело груженный самолет, сделав разбег, нехотя отрывается от земли и уходит в серую, неприятную ночь, набирая высоту.

Миша Лебедев, как обычно, мурлычет себе под нос какую-то веселую песенку. Он то и дело нагибается к приборной доске, освещенной скупыми огнями, и следит за режимом полета. В отсвете огней можно различить его красивое лицо, покрытое нежной розоватой кожицей. На щеках небольшие шелковистые бачки. Кожа на лице необычная. Не так давно Михаил был подбит. Самолет загорелся. Ему обожгло лицо, но все же успел он вовремя спастись, выпрыгнув на парашюте. Осталась вот пометка.

Штурман Павел Гусев прилежно исполняет свои обязанности, наблюдая за районом действий, за показаниями приборов. Маршрут ему, правда, знаком. Приходилось сюда летать. Но все же — летишь над вражеским расположением и мало ли что может приключиться! Вдруг вынырнет ночной истребитель или неожиданно зенитки нащупают. Так будь всегда начеку.

На высоте тысяча метров самолет проходит линию фронта. Внизу редкие артиллерийские вспышки и светящиеся нити трассирующих пуль. Но что это? Павел заметил, что под ними какой-то самолет летит удивительно низко и время от времени дает белые ракеты. Странно, что гитлеровцы по нему не стреляют и не зажигают прожекторов.

— Ишь ты, — смекнул Павел, — не иначе это немецкая пташка. Белой ракетой сигнализирует: «Я свой». У нас же сегодня условный сигнал — красная. — Кажется, он разгадал важную тайну.

Время идет. Они приближаются к цели. Над аэродромом в ярких лучах прожекторов мечется миниатюрный, как бы игрушечный, самолетик. Так и хочется, чтобы он вырвался из этого жуткого огненного плена, а не повалился бессильно, не вспыхнул бы багровым пламенем. Вот он отвалил в сторону, исчез. «Ушел друг. Вот хорошо-то!» — обрадовался Гусев.

Прожектора внезапно погасли. Небо посерело. Где-то в просветах между пепельными тучами виднелись холодные, безучастные ко всему звезды.

— Наш черед. Пошли в чертово пекло! — пробасил Лебедев и, выключив мотор, начал планировать на цель. Но рассчитал не совсем точно. Пришлось включить зажигание. Мотор застрекотал.

В момент вспыхнули прожектора и стали судорожно шарить по небу. Шесть лучей жадно впились в них. Просвечивали, слепили. Огненные нити снарядов потянулись к самолету. В какую-то неслышанную долю секунды Лебедев соображал, куда бросить самолет, как уйти в безопасное место. Груженная бомбами машина повиновалась с трудом.

Как всегда, в таких случаях соображалось быстро. Павел вспомнил передовую и сигнал вражеского самолета.

— Миша! — крикнул он. — Разыграем их!

Схватил ракетницу, зарядил ее белой ракетой и выстрелил. Сигнал «Я свой самолет» сработал. Помогла немецкая пунктуальность. Успокоенно погасли прожектора. Замолчали зенитки. Вероятно, фашисты посчитали, что это их машина. У них были схожие самолеты, были также и захваченные наши У-2.

И сразу стало темно и очень тихо. Самолет дерзко кружил над аэродромом. Гусев заметил капониры с запрятанными в них фашистскими самолетами. Миг—и бомбы полетели в цель. Внизу раздались взрывы и запрыгали зловещие языки огня.

Пользуясь замешательством, наши летчики отвалили в сторону и скрылись в большом и спокойном небе.

ТАЛИСМАН

Сурен Левонович Саркисов в полку фигура необычайная. Все мы безусые, подтянутые парни. И вдруг появляется у нас лысеющий мужчина с заметным брюшком. Когда-то давным-давно он окончил летную школу, вот теперь вновь воспылал желанием служить в авиации.

Командир эскадрильи Цибулевский поморщился, но делать нечего. Пришлось комэску заняться Саркисовым. То ли взаправду он совсем разучился летать, то ли заробел в воздухе, только попотел с ним крепко Цибулевский, пока довел «до кондиции».

— Ну, довольно тебе, Сурен, впустую изводить бензин. Завтра полетишь на боевое задание, — сказал он однажды.

Саркисов, вздрогнув, побледнел:

— Не созрел я, командир. Собыют. Повременить бы. Душа не на месте.

— Никаких отсрочек. Ты вполне готов к боевой работе. Дам тебе самого опытного штурмана, с ним не пропадешь.

Ох, не сладко пришлось Саркисову в первый вылет! Вражеские прожектора ловили самолет, слепили глаза. Совсем рядом разрывались снаряды, и осколки, как жабы, противно «квакали» справа и слева. У Сурена зашлось сердце. Он заметался в кабине.

— Сурен, не суетись. Не паникуй. Возьми себя в руки. Делай крены, куда укажу, — услышал он совершенно спокойный голос штурмана.

«Да что я, худая баба, тряпка, что ли!» — с досадой подумал Саркисов.

Неожиданно самолет вздрогнул, стало легко пилотировать. Сурен догадался, что штурман Лозовой сбросил бомбы. Он почувствовал прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел довольное лицо штурмана и его руку, показывающую вниз. На железнодорожных путях полыхал в огне товарный состав. Маленькие вагончики, как подожженные спичечные коробки, подпрыгивали и валялись под откос. Саркисов невольно улыбнулся. Это была их работа.

На своем аэродроме Сурен с трудом выбрался из кабины. Ноги подгибались. Рубашка на спине взмокла и прилипла к телу. Хотелось броситься на землю и долго лежать на траве, отдыхая. Однако пересилил себя и медленно пошагал на командный пункт. Взяв под козырек, строго официально доложил командиру полка о выполнении задания.

— Поздравляю с удачным зачином, — тепло сказал майор Изосимов, крепко пожимая ему руку, и участливо спросил: — Как самочувствие?

И оттого, что суровый на вид командир полка отнесся к нему ласково, по-дружески, Саркисов забыл про свою усталость и переживания и бодро ответил:

— Настроение, товарищ майор, боевое. Только весь мокрый. Сто потов сошло.

...После этого полета Саркисов почувствовал себя летчиком. Он сумел выбраться из огненного ада. Значит, может водить боевую машину, может громить фашистов.

Сурену дали постоянного штурмана — рыжего, веснушчатого паренька Сергея Михеева, летавшего с первых дней войны.

— Милый Серго-джан, за тобой я буду как за каменной стеной. Надеюсь на тебя, — говорил при знакомстве Саркисов, широко сверкая белыми зубами.

Михеев отмалчивался.

Саркисова словно подменили. Он сам стал напрашиваться на задания, а когда ему отказывали, огорчался и признавался комэску:

— Понимаешь, командир, орден хочу заслужить. Пусть дома узнают, что я тоже воюю. Стыдно будет после войны без наград возвращаться.

В свободное время Саркисова можно было видеть в общестии с домрой в руках, напевавшего тихие кавказские песни. Особенно часто пел Саркисов грустную песню про Сулико.

— Сурен Левонич, — окликал его штурман Михеев, — боишься ты смерти? Что тоску наводишь!

— Нэт, дорогой Серго-джан, не боюсь. Я жить жажду, жить!

Саркисов хорошо знал цену жизни. Будучи инженером по разведке нефти, он поездил, побродил немало по просторам нашей страны. Зарабатывал большие деньги, жил с кавказским размахом и щедростью. И вот война — все полетело ку-

вырком. Но Сурен был уверен: закончится война, и все войдет в прежнее русло. А для этого надо хорошо воевать.

Было в привычке Сурена заниматься зарядкой. В любую погоду утром в одних трусах выскакивал он на улицу, делал небольшую пробежку, несколько упражнений и умывался до пояса холодной водой или снегом.

Сережа Михеев иногда подшучивал:

— Что, Сурен Левоныч, бережешь здоровье? Двести лет жить собираешься?

— Нет, дорогой. Просто с детства этому приучен, и тебе советую, — чистосердечно говорил Саркисов.

— Легко тебе прыгать на морозе, весь в шерсти, как медведь!

— Попрыгай и ты, дорогой. И у тебя отрастет.

Жизнь Саркисов, как и все, любил. И конечно, как все, боялся той роковой черты, за которой нет ничего, только мрак, пустота, ничто. Был он суеверен? Наверно. На фронте многие верили, кто во что горазд. Один уверовал, что его от смерти спасает борода, и обихаживал ее так и этак. Другой надеялся на ладанку, которую при прощании надела ему на шею мама. Сурен же после первого вылета уверовал, что его спасла от пуля старенькая гимнастерка, которая была на нем, — латаная и пропотевшая. Именно она принесла ему удачу и стала его талисманом.

С тех пор, отправляясь на задание, Саркисов неукоснительно надевал свою застиранную, выдавшую виды гимнастерку. В ней он чувствовал себя, как в стальной кольчуге.

Ребята заметили эту его странность. Обычно перед вылетом Сурен задерживался в общежитии, чтобы надеть на себя свой талисман. А после вылета осторожно снимал гимнастерку, нежно ее разглаживал, аккуратно свертывал и прятал под подушку.

И все бы шло своим чередом, если бы Саркисов вел себя спокойно. Когда же эскадрильские остряки начали его разыгрывать и намекать про талисман, по-южному темпераментный Сурен взрывался. Ребята смеялись, а смуглые щеки Су-

рена и его сократовский лоб становились багровыми. Он сжимал кулаки, мрачнел и с большим трудом сдерживался, чтобы не броситься на пересмешников.

Но парни знали свой предел, и все обходилось благополучно.

Однажды кто-то проговорился комэску:

— Знаешь, почему Саркисов храбрый такой? Он суеверен. У него завелся свой талисман. Он без старенькой гимнастерки не уходит в полет.

— Выдумки.

— Нет, вся правда.

— Ну и пусть его! У кого нет своих причуд, — сказал Цибулевский.

Однако бесшабашные парни собрались-таки разыграть Саркисова, совсем не думая, к чему это приведет.

Как-то после ужина неизвестная рука выкрала из-под подушки заветную гимнастерку. А Саркисову предстояло лететь на боевое задание. И вдруг Саркисов не явился на командный пункт.

— Где Сурен? Почему его нет? — удивился Цибулевский.

Он знал Саркисова как исключительно пунктуального и исполнительного летчика, для которого дисциплина была превыше всего.

— А где ему быть? Верняком задержался в общежитии. Ищет свой талисман. Ребята спрятали, — ответил штурман Михеев.

— Что за фокусы вы устраиваете со стариком! — возмутился Цибулевский и, сердито хлопнув дверью, выбежал на улицу, вскочил в «пикап» и ринулся искать Саркисова.

Когда комэск вошел в общежитие эскадрильи, то увидел, что все постели были перевернуты, а откуда-то из-под них неслись азиатские междометия и страшная российская ругань с кавказским акцентом.

— Саркисов, это ты? — крикнул Цибулевский.

Сурен вылез из-под кровати и поднялся, весь грязный, с мрачной физиономией.

— Командир, — колотя себя в грудь, заговорил он горячо. — Я кавказский человек. У меня есть свой обычай. Ты меня знаешь, понимаешь. Так нельзя издеваться!

Сначала Цибулевский собирался как следует отчитать и пропесочить Саркисова, но теперь, увидев перед собой взволнованного человека, он понял, что в этом виноваты эскадрильские зубоскалы, которые в своей игре явно переборщили.

Ругать Сурена не стоило. Отправлять его в полет в таком возбужденном состоянии тоже не стоило: не совладает с собой.

— Что ж, все ясно. Успокойся, Сурен Левоныч. Сегодня ты не полетишь. Будешь дежурить на аэродроме. После полетов во всем разберемся.

...Утром Цибулевский построил эскадрилью и строго сказал:

— Смотрите, чтобы таких шуток больше не было. Они, как видите, к добру не приводят. Оставьте Саркисова в покое.

Слова комэска возымели свое действие. Сразу же после завтрака, как по взмаху волшебной палочки, на кровати Сурена появилась его гимнастерка. Он подбежал к ней. Бережно поднял ее и поцеловал, а затем осторожно, словно драгоценную вазу из хрусталя, уложил под подушку. При этом он поглядывал на ребят. Одним кивал головой, улыбался, другим весело подмигивал, третьим грозил пальцем.

Шли дни. Саркисов успешно летал. На груди его и в самом деле появились награды. Но он по-прежнему никак не мог расстаться со своим талисманом.

И вот как-то его гимнастерка снова исчезла. На этот раз он не искал ее, не поднимал шума, не скрежетал зубами, не ругался. «Чертенята захотели потешиться, так нет, не пройдет этот номер!»

Все же на аэродром он шагал с хмурым выражением лица. Пасмурный улетел на задание. Это был рискованный полет. Наносился удар по вражескому аэродрому. Экипаж метко обрушил свой бомбовый груз и успешно вернулся домой.

А утром девушка из прачечной, слыхом не слыхавшая про талисман Сурена, вошла и положила на подушку его заветную гимнастерку. Была она выстиранная, чистенькая, выглаженная, и даже с подшитым белым подворотничком.

Сурен улыбнулся девушке.

— Моя дорогая, бесценная!

Но эти слова были обращены уже к гимнастерке, которая мгновенно оказалась в его руках.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ДУДРОВА

С Иваном Дудровым мы подружились, когда наш полк жарким летом сорок второго года базировался в Пружниках на Воронежском фронте. Жили мы в ветхом большом сарае на опушке дубовой рощи и спали на душистом сене.

Моим соседом оказался уже немолодой, лет за тридцать, высокий летчик с худощавым лицом, с белесыми бровями, из-под которых смотрели дружелюбные глаза. Это был Иван Петрович Дудров.

Утром перед завтраком он достал из вещевого мешка зеленую кружку и чайной ложкой принялся доставать топленое масло.

— Нравится? — спросил я.

— Куда там! — с брезгливой гримасой отозвался он. — Живот побаливает. Боюсь, не язва ли? Масло старушка одна присоветовала. Натощак. К врачам не иду: чего доброго, спишут в обоз, а времечко жаркое, самая пора фрица лупить.

Наш полк после переформировки только что прибыл на фронт, и многие ребята побаивались летать ночью. Практики почти не было. Но Иван смело ринулся в бой.

Летный стаж у Дудрова приличный. Много лет он был летчиком-инструктором в одном из киевских аэроклубов и крепко держал в своих руках штурвал самолета.

— Живу я на Брест-Литовском шоссе. Есть такая красивая улица в Киеве, — рассказывал Иван Петрович. — Квартира у меня нельзя сказать чтобы очень просторная. Но всем,

кто приходил ко мне, находилось место. Часто заглядывали курсанты, друзья. Под окнами всегда торчали мальчишки. Только выглянешь, кричат: «Дядя Ваня, возьми с собой на полеты». Ладно, говорю, огольцы, посмотрим на ваше поведение.

Тревожился Дудров за семью. Она осталась в Киеве. Жена и две малые дочери. Город был оккупирован. Известно было, как зверствовали фашисты. Что там творится? Как узнать?

— Выход один: гнать врага в три шеи, скорей освободить советскую землю, — говорил Дудров.

И его самолет без усталости летает на бомбежку. По нескольку вылетов в ночь делает его птица. Едва приземлившись, летчик зычно кричит:

— Вешай, ребята, бомбы!

Проходит десять-пятнадцать минут, и самолет снова взмывает в воздух.

Да, золотой был летчик Иван Дудров. Трезвому цены не было. А вот выпьет, становится дурак дураком. Вино его и сгубило. Раз, другой, третий был отстранен от полета. Сам виноват, да и мы просмотрели, вовремя не одернули... Суров был приговор военного трибунала. Пехота. Штрафной батальон. Предстояло пройти сквозь огонь и бурю, кровью своей или кровью врага смыть свое бесчестье, свой позор. Отныне Дудров сухопутный вояка. На нем неказистая, поношенная серая шинелишка, ботинки с обмотками.

— Про авиацию забудь. Не видать тебе ее как своих ушей, — сказал ему при знакомстве комбат.

— Не смогу. Душа моя там, в небе, — откровенно проговорил Дудров. — Коли жив останусь, вернусь обратно.

— Вишь какой убежденный, — окидывая его поджарую фигуру, произнес комбат и решил: — Определяю в роту разведчиков. Не трусишь?

Дудров не ответил, лишь сердито повел бровью. А вечером, когда в роте собирали охотников на ночной поиск, выдвигался без колебаний:

— Знаю самбо, драться умею.

— Ладно, пойдешь, — немного подумав, согласился комроты.

Темной осенней ночью группа разведчиков поползла в расположение гитлеровских войск. Где-то далеко, между черными облаками, изредка мерцали редкие звезды. На земле было тихо и сонно. Серый туман клубился в ложинах. Белые и желтые ракеты тусклым, холодным светом освещали холмистую местность. Чуть слышно шуршала под телами пожухлая осенняя трава.

Первый пополз юркий, как уж, усатый сапер. Он должен был открыть разведчикам дорогу через заграждения и минные поля. За ним следовал старший группы высокий, широкоплечий украинец Руденко. Он держал новичка около себя. «Дороженька мной тут еще днем высмотрена, проскользнем за милую душу», — заверил он.

Дудров не волновался. С охотой шел он на задание. Ему не терпелось повстречаться с живым фашистом. «Попадешь мне в лапы, покажу тебе русскую хватку», — осторожно передвигаясь, думал Дудров.

Небольшая остановка. Они ждут, когда сапер проделает проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Вскоре к ним подползает усач и шепчет:

— Дорога открыта. Двигайте с богом!

И четверо разведчиков в камуфлированных масках уходят в ночную тьму.

Минут двадцать они передвигаются по вражеской территории, озираясь и прислушиваясь. Вот до них доносятся звуки немецкой речи. Очевидно, это боевое охранение. На ловца и зверь бежит. Два гитлеровца стоят невдалеке, покуривая. Разведчики, затаив дыхание, подползают совсем близко к врагу. Еще мгновение, и они бросаются на фашистов, оглушают их прикладами автоматов, суют кляпы в рот, связывают и тащат к своим позициям.

— Черт попутал, — тихо ругается Руденко, — я сбился с дороги. Темнотища — хоть глаз выколи...

— Сюда, старшой, — показывает направление Дудров. — Вон они, наши звездочки светят, — говорит он, приглядываясь к еле мерцающим в небе светилам.

Где ползком, где полусогнувшись, тащат они свою нелегкую добычу.

— Так вот и воюем, — уже сидя в своем блиндаже, говорил Руденко Дудрову, наполняя махоркой свою черную трубку. — Теперь два «языка» на твоём счету.

...Дни, вернее ночи, стремительно бежали. Дудров вызывался на самые опасные задания. Ходил по вражеским тылам, выяснял расположение вражеских частей, совершал диверсионные акты и, как всегда, приносил очень ценные сведения.

— Я ведь хитрый. Летчик-ночник. Ночь моя подруга. Ночью я вижу, как кошка, — посмеиваясь, говорил Дудров.

«Наш сухопутный летчик» — ласково прозвали его пехотинцы. Дудрова любили и уважали. Но, ползая и топая по земле, он все время с завистью смотрел на пролетавшие в небе самолеты.

Шли кровопролитные бои под Изюмом. Батальон штрафников попал в окружение. Немцы знали, кто попал к ним. Стреляли по ним со всех сторон, на полное истребление. Пали, как подкошенные, убитые и раненые. Вот замертво упал командир роты разведчиков.

В этот момент Дудров как-то само собой взял командование в свои руки. Шуткой, смелым словом, личным примером подбадривал он бойцов.

— Не вешай носы, братишки! Есть еще пули в автоматах, не иссякли гранаты. Жив Иван Дудров, в небесах не сгинул, на земле не убьют, я заговоренный!

Его голос магически действовал на людей. Любили в роте Дудрова и охотно подчинялись ему. А раз жив их «сухопутный летчик», то с ним, конечно, не пропадешь!

Наступившая ночь прикрыла остатки роты. Бойцы шатались от усталости. Раненые еле брели. Всех тревожила одна мысль: как вырваться из окружения?

— Не волнуйся, братишки, спокойно. Выскочим из этой переделки. Эвон какие красивые звезды на небе!

Ой, как пригодилось Дудрову знание астрономии! Ориентируясь по звездам, он вел сквозь леса остатки своей роты. Около двадцати километров отмахали они лесными тропками, а когда рассвело и на опушке леса показалась деревня, их окликнули. Это были свои.

Так Иван Дудров искупал свою вину. По ходатайству командования с него сняли судимость. А он все грустит и грустит по авиации.

...Прошло полгода. О Дудрове не было никаких известий. След его сгинул, затерялся на опасных тропах войны. Никто у нас в полку не думал, не гадал, что Дудров объявится.

Но вот однажды весенней порой дверь в наше общежитие открылась. На пороге с котомкой за плечом, в серой, старенькой шинели, в ботинках с обмотками, стоял подтянутый, худощавый человек. Он подошел ближе, и все мы увидели знакомые черты: белобрысые брови, глубокую складку на переносье и тонкие, умеющие складываться в ироническую улыбку губы, услышали мягкий знакомый голос:

— Красноармеец Дудров определен к вам на должность пилота.

Иван снял заношенную шапку-ушанку и обнажил стриженую голову. Глаза его смотрели прямо и честно.

Жив старый летун! Прибыл к нам начинать свой путь сначала. Говоришь, тоскуешь по небу? В пехоте не смогли удержать? Значит, душа у тебя наша, летная!

Несколько тренировок — и опять Дудров твердо держит руль управления. Самолет снова послушен ему. Иван Петрович жадно и много летает. Он изголодался, он хочет воздуха. Ни сплошной зенитный огонь, ни просвечивание самых сильных прожекторов не пугают Дудрова. Он безукоризненно выполняет любую боевую задачу. Это прежний отличный летчик. Двенадцать мастерских ночных посадок в тылу врага приносят ему первый орден. Еще месяц — и офицерские погоны появляются на плечах.

Только вот в одном его не узнаешь: к спиртному охладел. После полетов положены сто граммов фронтowych, а он:

— Нет уж, увольте. Зарок дал. Водки в рот не беру. Я свою норму давно выпил.

Желанная летная работа. Каждодневный риск. Кто-то даже сказал, что и жизнь летчика коротка, как детская рубашонка. Но это далеко не так. В каких переделках ни приходилось бывать Дудрову, однако из них выходил живой.

Как-то Дудрову пришлось попасть в ураганный зенитно-пулеметный огонь. Острая боль ожгла бок и правую ногу. Он старался держаться, продолжал полет. Но кровь наполнила унт. Силы стали уходить. Он понял, что до цели не дотянет, и повернул самолет на передовую.

— Меня ранило. Бей по фашистам, — подал он команду штурману.

Бомбы были обрушены на врага.

На своем аэродроме штурман Дудрова дал красную ракету — сигнал аварийной посадки. Летчик собрал последние силы и приземлил самолет.

Иван Петрович попал в госпиталь. Едва оправившись, он пишет в полк о том, что рана уже заживает. Пусть не сомневаются, Дудров еще полетает! И правда, летал до самой Победы.

...Не довелось мне после войны свидеться с Дудровым. А когда я появился в его квартире на Брест-Литовском шоссе, то увидел высокую седоватую женщину — его жену и стройную дочь с розовощеким мальчонкой на руках.

Обе волновались и суетились, не зная, куда меня усадить. Я всколыхнул их горе. Они всплакнули. Оказывается, Иван умер. Сказались раны и испытания, выпавшие ему на фронте.

Листаю альбом с фотокарточками, читаю сохранившиеся письма. И передо мной снова встает образ старого фронтowego товарища.

Жена бережно вынимает из комода красненькие коробочки с орденами и ставит на стол. Их три. Вот они, сверкающие

эмалью ордена Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды.

Да, вернулся домой Дудров с почетом, восстановив свое доброе имя. Жизнь ведь идет не по гладкому асфальту. Были ошибки, оступился, исправился.

— Видать, папка наш крепко бил фашистов, — раздумчиво говорит дочь.

— Он никогда не жалел себя, — тихо роняет жена. — Сейчас вот воспитываю внучонка. Хочу, чтобы вырос он таким же храбрым и смелым, как дед, — говорит Мария Дмитриевна.

ЕМУ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ТРИ

Июнь сорок второго года. Авиапункт находился на переформировке в маленьком тыловом городке. Мы получаем новые самолеты и пополняем летным составом. К нам поступают еще не обстрелянные, совсем молодые ребята.

Вот в штабе появился высокий белокурый парень в новенькой форме:

— Младший лейтенант Попов после окончания училища прибыл.

Голубые глаза его смотрели прямо, задорно. На губах трепетала улыбка. Видать, радовался он своей новенькой, красивой форме, радовался, что прибыл в боевой полк.

Точно поняв его, командир полка Изосимов спросил:

— На фронт тянет?

— Да, засиделся в тылу, надоело баклуши бить.

— Скоро будем на фронте, — заверил Изосимов. — Умеешь летать ночью?

— Этому нас не учили, — признался он.

— Как же быть? Мы ночники, — проговорил командир полка.

— Не боги горшки обжигают. Научусь, — твердо сказал Попов.

Командир побарабанил пальцами по столу и решил:

— Ладно. Пойдешь в третью эскадрилью к Котову. Он введет тебя в строй.

Попов козырнул, четко повернулся и вышел из штаба.

— Парень — картинка. С виду горяч, а будет ли с него толк? — усомнился всегда недоверчивый штурман полка Борисенко.

— Что говорить, птенцы, зеленая молодежь, — согласился, закуривая папиросу, командир полка, — жалко вот только, что времени у нас на подготовку в обрез. Придется всех в боях обкатывать.

Шли упорные тренировки. С раннего утра летчики отправлялись на аэродром, где их уже ждали заправленные и ухоженные У-2. Один за другим, громко урча, самолеты уходили в небо.

Николай Попов летал с командиром звена Заниным, иногда с комэском. И всегда они находили у него какие-либо огрехи. То посадка не чистая, то при взлете недоучел сильный ветер, то не выдержал скорость.

Потела спина от бесчетных посадок и взлетов, долгой болтанки в воздухе. Морила усталость, хотелось покурить, побалагурить, отдохнуть, а неугомонный Занин дает и дает одно задание за другим и, посмеиваясь, твердит суворовские слова: «Тяжело в ученье, легко в бою!»

Но вот Николай впервые пошел в ночной полет. В напарники ему определили бывалого штурмана Васю Черномырдина. У Васи на груди медаль «За отвагу». Он всего лишь старший сержант, а в своем деле профессор.

— Но, но, орел, выше голову. С таким помощником, как Василий, не пропадешь, — напутствовал Попова командир звена, заметив в его глазах тревогу.

Мерно гудит мотор. Над головой раскинулось огромное, черное, таинственное небо. Перед Николаем, тускло освещенная, лежит карта с расчетными данными. Но, как ни всматривается он вниз, как ни напрягает зрение, ничего, кроме мрака, не видит. Где река? Где леса? Где «железка»?

Словно поняв его, штурман басит в переговорный аппарат:

— Земли не видно — и не беда. Летим правильно. Следи за приборами, соображай своим «сельсоветом»!

Шутливое слово штурмана успокаивает.

На широкой приборной доске светятся более десятка измерительных приспособлений. Бегают, движутся черные стрелки, показывая курс, скорость, время, высоту полета. За всеми ими надо смотреть и смотреть, их надо учитывать. Ни одну нельзя упускать из виду. Не досмотришь за высотометром — можешь расплатиться жизнью. Не учтешь показателей других приборов — тоже худо придется.

Где-то внизу блеснула светлая полоска. Вероятно, это река.

— Вышли к реке, — докладывает штурман.

— Вижу. Через пять минут поворот влево, — уверенно говорит Попов.

— Правильно, — подтверждает штурман.

После поворота проходит еще пять минут, и штурман спрашивает:

— А теперь куда?

— Очередной поворот налево, — незамедлительно отвечает летчик.

— Так, так, — удовлетворенно говорит штурман.

Попов чувствует, что все у него идет складно. Все переживания отлегли, не зря он зубрил маршрут полета.

— Товарищ лейтенант, летчик Попов отлично ориентировался в ночном полете, — докладывает по возвращении штурман.

— С успехом, орел! — пожимая руку Попову, довольным голосом говорит Занин.

Попов расстегнул ворот рубашки. Ему жарко, хотя ночь и прохладная. Он облегченно вздыхает. Он попробовал ночного неба и убедился, что оно не такое страшное, как казалось.

В жаркий июльский день полк прилетел под Воронеж. Аэродром — просторный зеленый луг. Рядом — густая дубовая роща. Самолеты спрятали в капониры, замаскировали вет-

ками. Начштаба Вавилов придирчиво осматривает маскировку и говорит, попыхивая папироской:

— Хлопцы, держите ухо востро. Ближко передовая. Да и противник рыщет по небу. Ну, как настроение?

— Настроение боевое! Охота скорей схлестнуться с фашистами! — с задором отвечают молодые летчики.

У одного из самолетов Вавилов заметил крупную надпись на фюзеляже, сделанную мелом: «Смерть фашистам!»

— Кто это написал? — спросил он у рябоватого техника, который стоял у машины с промасленной тряпкой в руке.

— Летчик Попов.

— Ну что ж, хорошо, — поразмыслив, сказал Вавилов. — Не возражаю. Пускай делом докажет свою злость к врагу. Так ему и передайте.

Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тарактением выруливали самолеты. То и дело слышались команды: «К запуску!», «От винта!». Одна за другой поднимались машины в темное небо.

Война не спрашивала, какие были летчики — опытные или молодые. Она от всех требовала наивысшего напряжения. Летали от заката и до рассвета. Все ночи упорно бомбили передовую, бомбили лески за Доном, где было густое скопление войск противника.

Я ежедневно встречался на командном пункте с Николаем Поповым. Видел, как он получал задание. С высоко поднятой красивой головой, с искорками задора в глазах, твердой походкой, размахивая планшетом, уходил он к своему самолету.

Первое время Николай летал с тем же опытным штурманом, что и на тренировках, — с Васей Черномырдиным. У Николая проявился твердый характер. Он быстро освоил ночные полеты. Возвращался и спокойно докладывал командиру о том, что задание выполнено.

Война есть война. С задания не приходил то один, то другой экипаж. Одни гибли в зенитном огне, другие с горящей

машины выпрыгивали на парашютах, бывало и так, что, потеряв ориентировку, наши ребята садились по ошибке на чужой аэродром.

Николай же оказался талантливым летчиком. Видать, поэтому ему и везло. А верней всего — умел он обмануть противника, хитрить с ним, не лезть на рожон.

С Воронежского фронта наш полк перелетел на Брянский. Здесь пришлось бомбить не только передовую, но и летать в глубь вражеской территории. К самолетам были приделаны дополнительные бачки для горючего. В кабине штурмана установлен пулемет, под плоскостями устроены балки для реактивных снарядов. Это уже немало значило.

Враги в крупных городах и своих опорных пунктах сосредоточили уйму зенитных орудий. По их убеждению, они создали в воздухе зону сплошной непроходимости. Но они просчитались, не учли всех возможностей ночников.

Наши У-2 с большой высоты, бесшумно планируя, неожиданно проникали в расположение противника и наносили ему большой урон.

Как-то замполит эскадрильи кудрявый, подвижной Иван Новиков пригласил Попова в свой уголок в общежитии.

— Хватит, Николай, тебе в комсомольцах ходить. Вступай в партию, — предложил он.

— Молод я еще, да и не заслужил. Не дорос до партии, — оробев, сказал Попов, — да и кто меня рекомендует?

— Полно скромничать. Твоя боевая работа лучшая рекомендация. С тобой летал, знаю, чего ты стоишь. А за рекомендациями дело не станет. Поручусь я. Комэск тоже рекомендует.

— Что ж, коли так, хорошо, — согласился Попов.

Партбюро проходило в комнатке, где жил замкомандира полка по политчасти Иван Емельянович Муша. Этого простого в обращении и добродушного человека любили все летчики. К нему они запросто обращались с возникающими вопросами, просьбами, жалобами и всегда получали толковый ответ и нужную помощь. И все же в эту комнату, в которой и

раньше бывал, Николай вошел с заметным волнением: сочтут ли партбюро его достойным встать в ряды партии?

А вышел из этой комнаты ликующий, в приподнятом настроении. Члены партбюро единогласно проголосовали за него. У него как будто прибавилось сил и энергии.

Николай всегда возвращался с передовой без происшествий. Ну, постреляют в них, попугают, и дело с концом. Бомбежка передовой считалась в полку легким заданием.

А сегодня их крестили и утюжили нещадно. Все бы ничего. В долгу они не остались. Но напоследок, когда штурман, заметив артиллерийскую батарею, потребовал повернуть на нее и они снизились до четырехсот метров, самолет вдруг вздрогнул, и мотор заглох.

Стоял невообразимый грохот. Казалось, по самолету Попова палили все орудия фронта. Самолет терял высоту. При огненных вспышках виднелись вражеские окопы.

— Э, каналы, подбили-таки! — выругался летчик.

— Тяни, Михайлович, домой, тяни! — подбадривал штурман.

Но земля катастрофически приближалась, и вскоре самолет плюхнулся в снег, запрыгал на кочках.

— Отлетались, браток, вылезай.

Над ними с глухим свистом проносились снаряды, светлые трассы пропарывали темноту. Выходит, сели они более или менее удачно, на «нейтралке», между своими и фашистами.

Выбрались из кабин. Поползли. То и дело вспыхивали зеленые и желтые ракеты, пропарывая ночь, и летчики замирали на снегу. Николай взглянул на часы. Была половина третьего. Глубокая ночь. Северный ветер гнал колючую поземку.

— Николай, мина! — испуганно крикнул штурман, когда его рука прикоснулась к металлической тарелке.

— Не кричи. Услышат. Большая противотанковая, — определил он, — нам не страшна. Смелей вперед — и без паники!

Но все-таки дальше двигались медленно, осторожно, осматриваясь, ощупывая перед собой землю.

— Снежок глубокий, как пуховая постелька, предохранит нас, — успокаивал Николай.

Настойчиво и упрямо ползли они. И когда совсем утомились и захотелось замереть на земле, лежать и не двигаться, они услышали русскую речь.

— Наши! — воскликнул Попов. — Еще один небольшой рывок, и мы дома. Эй, братки, мы свои! — закричал он, поднимаясь во весь рост.

— Прыгайте к нам в траншею, — донеслось до них. Сделав последнее усилие, они переползли через высокий бруствер.

— А, летуны? Живы, здоровы? — удивленно говорили солдаты. Они видели, как упал самолет на «нейтралку». Но никак не думали, что летчики остались в живых. По длинным ходам сообщений их провели в блиндаж командира батальона... Он слушал их сбивчивый рассказ, улыбался и качал головой:

— Счастливчики, как есть счастливчики! Проскочили сквозь наши минные поля. Нарвались на противотанковые, а взяли бы чуток в любую сторону — конец вам.

Мелькают жаркие дни и ночи. Позади Брянский, Ленинградский фронты. Война быстро выдвигает смелых людей. Николай Попов с младшего лейтенанта, рядового пилота, вырос до старшего лейтенанта, командира эскадрильи. Четыре ордена было на его груди.

Советские войска шагнули в Прибалтику. В ее небе погиб наш боевой товарищ.

...Прошла война. Пролетели годы. На большом уральском заводе, где до армии работал Николай Попов, около проходной воздвигнут гранитный мемориал. К нему люди несут венки и букеты цветов. Здесь замирают в молчании и, склонив голову, чтут погибших. В длинном списке отдавших жизнь за Родину врезано в гранит и имя Николая Попова.

Хочу рассказать маленькую забавную историю.

Без обыкновенных резиновых калош, которые надеваются на мохнатые унты, на нашем фронте летчикам прямо беда. По календарю на дворе еще зима, а кругом лужи и апрелем пахнет. Ну как тут без калош обойтись? Калоши — ровным счетом чепуха, а без них, с мокрыми ногами, летчик, понятно, не вояка.

В эту-то пору штурману Савицкому не повезло. Лишился одной калоши.

Приключилось это на пятом вылете. Четыре раза за ночь слетали нормально. Вышли на пятое задание. И тут, как на зло, один бас — это такой фанерный ящик, начиненный мелкими бомбами, — неловко извернулся под плоскостью и завис.

Савицкий из всех сил дергал бомбосбрасыватели, и все без толку. Летчик, смекнув неладное, отправил самолет в такое пике, что в глазах потемнело. А проклятуший бас висит себе и висит, как приваренный, падать на землю не хочет.

Что делать? Не возвращаться же с бомбами на свой аэродром. Стыда не оберешься. Да и при посадке, не ровен час, можешь взлететь на воздух.

Остается только одно — надо любым путем столкнуть бас. И штурман стал выбираться из кабины.

— Ты что, Федя! — закричал летчик, напрасно стараясь перекрыть свист ветра и рев мотора. — Не смей! Назад! Назад!

Видя, что Савицкий продолжает вылезать, летчик усиленно замахал рукой: мол, запрещаю.

Но штурман уже шагнул на плоскость. Присел, ухватился одной рукой за стальную ленту-расчалку, другой за стойку, соединяющую крылья. Опустил ногу под крыло и стал ею нащупывать застрявший бас. Мотал, мотал ногой, наконец, уперся в бас и толкнул. Тот даже не пошевелился. Крепко, видать, заело. Тогда Савицкий обрушил на него град отчаянных ударов, пока не утомился. Чуток отдохнул и снова при-

нялся шарить ногой по низу. Нашупал злосчастную «шкатулочку» с бомбами и принялся яростно дубасить ее.

Бешено залаяли зенитки. Один из снарядов разорвался совсем близко, на Савицкого пахнуло запахом гари. Но это не испугало его. Он думал только об одном: как бы столкнуть проклятый бас на фашистские головы. Во всю мочь он лупил и лупил по басу, не обращая внимания на боль в ноге. И ящик с бомбами наконец оторвался.

Штурман нырком ввалился в свою кабину. Летчик показал большой палец: молодец! Но Савицкий так устал, что даже не обрадовался. Он сопел носом, старательно платком вытирал обильный пот, который струился по лицу.

Когда вернулись на аэродром, Савицкий заметил, что на левом унте у него нет калоши. Была и пропала. От досады он готов был плакать:

— Только подумай, калошу потерял! Как я теперь без калоши буду? На одной ноге прыгать? Придется рапорт писать.

Друзья же смеялись:

— Нет худа без добра. Твоей калошей наверняка фашиста насмерть прихлопнуло. Ведь какая с высоты скорость, какая кинетическая энергия!

Но Савицкому было не до шуток. Он горевал по-настоящему.

«АУФВИДЕРЗЕЕН»

Летчик Сергей Чашин где-то случайно раздобыл «Русско-немецкий разговорник». Валяясь на койке в общежитии, он временами просматривал его.

— Не к фашистам ли в гости собираешься, Серега? — подтрунивали товарищи.

— А что мне. Я за арийца, не бойсь, сойду, — отшучивался Чашин.

Ребята похохатывали. В ту пору никто из нас не предполагал, что маломальское знание немецкого языка спасет Чашину жизнь.

В одну из зимних ночей, когда над землей дико завывала метель, командир полка получил приказ доставить десанникам взрывчатку.

Кто сумеет проскочить к ним в такую жуткую лихоманку? Выбор пал на Сергея Чащина — одного из самых бывалых летчиков.

И вот тяжело груженный У-2 пробивается сквозь лютующий белый буран. Ветер нещадно качает и кренит машину, стараясь опрокинуть ее, разломать на части.

Человек в кабине — весь собранность, настороженность, весь в напряжении и работе. Губы плотно сжаты. Глаза до боли всматриваются в снежную мглу, следят за приборами, за картой. Руки не выпускают штурвала. Ноги словно приросли к педалям. Одно неверное движение — и самолет грохнет на землю и разобьется. Только отвлекись, ослабь внимание — собьешься с курса, заплутаешь в белой мгле.

Два часа с лишним Чащин упрямо борется с непогодой. Судя по времени, где-то близко десантники.

Чащин ведет машину к земле. Ищет посадочную площадку и обещанные костры. Ничего этого нет. Лишь смотрят на него острые пики деревьев.

Самолет кружит и кружит над лесом. Внизу по-прежнему темным-темно. Уж не заблудился ли? Да нет. Вон проглядывает «шоссейка» с характерным изгибом. Какого же хрена не сигналият? Дрыхнут, что ли?

И вдруг замелькали огоньки. Смутно виднеется ровная полоска земли. Снова манящие огоньки. Кто же в такое ненастье может ждать, как не свои? Летчик повел самолет на посадку.

Поле было ровное и укатанное. Машина села и шла, замедляя ход. Сергей облегченно вздохнул, почувствовав твердую землю.

Но что это? К самолету с факелами бежали солдаты в темно-зеленых шинелях, в головных уборах с кокардами. «Фашисты», — догадался он, и тотчас же неприятно засосало под ложечкой.

Машина остановилась. Совсем рядом оказался долговязый солдат. Он подозрительно смотрел на Чашина и торопливо спросил:

— Вер ист дас? (Кто такой?)

Сергей не растерялся:

— Их бин дойче. Гутен нахт! (Я свой. Доброй ночи!)

Немец приветливо взмахнул рукой.

Теперь судьбу решали секунды. Мотор был еще не выключен, и это спасло Чашина. Он дал полный газ и увеличил обороты. Самолет взревел, вздрогнул и понесся по полю.

— Улечу. Только меня и видели. Ауфвидерзеен! — крикнул он.

Самолет оторвался от земли. Прошелся над лесом. Запоздалые автоматные очереди не причинили ему вреда. Через десять минут Чашин разыскал партизанскую полянку.

ТАЙНА НИКОЛАЯ ТОПОРОВА

Штурман Коля Топоров был какой-то странный. Мы в свободное время охотно бегали в деревню на танцы, не чурались чарки и песни. Он же жил тихо, скромно и спиртного не пригубливал.

— Ну, монах, сиди в своем углу, а я пойду на вечерку, — недовольно буркал его летчик Федя Шитиков.

Шитиков был рослый, стройный, щеголеватый. Топоров полная ему противоположность: коренастый, мешковатый, чуть сутулый, ходил в серой поношенной шинелишке и нисколько не заботился о своей внешности. К тому же Топоров был до смешного рассеян. Обычно дольше всех готовил расчетные данные к полету, а когда летчик поторапливал, он, волнуясь, быстро рассовывал свои принадлежности в пузатую сумку и обязательно какую-либо мелочь забывал.

Но зато дело свое знал. Самолет направлял точно, в зенитном огне не терялся и бомбил метко. Любой пилот не променял бы этого штурмана ни на кого другого.

Правда, временами Топорова как будто подменяли. Он ста-

новился неузнаваемым — вялым, как в воду опущенным. На трусость это не походило. Тут было что-то другое. Федя Шитиков не раз пытался вывести, что с ним. Топоров уходил от прямого разговора.

Однажды в полете их крепко взяли в оборот. Вражеские прожектора слепили глаза, яростно лупили зенитки. То и дело в наушниках слышался глуховатый голос штурмана:

— Отверни вправо! Отверни влево!

Вдруг Топоров замолчал.

— Николка, ты живой? — тревожно спросил летчик. — Николка!

Но штурман не отзывался. Шитиков, опасаясь, бросил самолет в пике, и вскоре они вышли из опасной зоны.

— Николка! — рывкнул летчик. — Какого черта молчишь? Ранили, что ли?

— Живой я, живой, — тихо ответил Топоров.

Что же случилось с ним? Когда они попали в огненное пекло, у Топорова бешено забилося сердце. Что-то страшное давило ему грудь, спирало дыхание. Перед глазами запрыгали звездочки и заходили радужные круги. Топоров торопливо шарил рукой в сумке, разыскивая спасительное лекарство. Насилу оно было найдено. Боль, наполняющая грудь, постепенно стихла.

После полета, лежа на койке в общежитии, Шитиков снова спросил:

— Скажи, Топоров, что с тобой было?

— О чем ты? — как бы не понимая, отозвался Топоров.

— Брось валять дурака!

— А трепаться не будешь?

— Не буду.

— Мотор мой иногда барахлит, — признался Топоров.

Шитиков сдержал свое слово, но тайна штурмана все же раскрылась. Как-то после налета на брянский узел летчик посадил подраненную машину на своем аэродроме, выскочил из кабины и закричал:

— Санитарку!

Автомашина подъехала. Штурмана вынули из самолета. Федор пояснил медикам:

— С сердцем у него худо.

А потом высокий грузный доктор внимательно прослушал и простучал штурмана.

— Ба, вот так новость! Как же это ты с таким сердцем в авиации! Глухие тона, аритмия. Переходи-ка на штабную работу.

— Что вы! Двести вылетов сделал — и ничего, — стал возражать всегда покорный и молчаливый Топоров.

— Откажет сердце в воздухе — и конец, — убеждал врач.

— Судьба, знаете, доктор. От нее никуда не уйдешь. Умоляю вас, не лишайте летной работы. Хотите, перед вами на колени встану?

— Ох, и блажной. Да понимаешь ли ты, голова, что на острие ножа ходишь, что летать тебе противопоказано.

— Война, доктор. Разве кто считается со своим здоровьем! Разобьем фашистов, сам уйду из авиации.

— Право, блажной, — покачивал очкастой головой доктор, — что ж, уговорил. Только прошу, почаще ко мне заходи. Буду за тобой особо досматривать.

Не раз еще в полетах Топоров хватался за грудь, глотал таблетки, но с летной работы не уходил.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Помню, пришел к нам в полк смуглый коренастый летчик, старший лейтенант, с лицом, исполосованным шрамами. Сразу видать, бывалый, хлебнувший войны. Назначили его командиром эскадрильи.

Построил он своих ребят и сказал:

— Познакомимся. Я Котов Константин Иванович, родом с Тамбовщины. Из крестьянской семьи... Летную школу окончил в Чкалове. Воевал. Вопросы есть?

Вопросов не было. Но чем-то неуловимым приглянулся летчикам новый комэск.

Не любил Котов сидеть на земле. На каждое опасное задание лично водил эскадрилью. Первым бросался на добычу сквозь шквальный зенитный огонь. После налета эскадрильи горели железнодорожные станции, валялись под откос поезда.

На своем аэродроме Котов вылезал из самолета, закуривал и коротко говорил:

— Одним меньше.

Затем обращался к летчикам:

— Спасибо, ребята. Поработали на совесть.

Был Котов и требовательным командиром. Как-то при мне он строго журил молодого летчика за то, что тот сел на аэродром с бреющего полета.

— Штукарствуешь! — гремел Котов. — У-2 за машину не считаешь? Можно ее ломать, гробить? Знаешь наставление? Оно кровью написано. Удали твоей грош цена. Сломаешь машину, свернешь себе шею!

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Больше такое не повторится, — стоя перед ним навытяжку, оправдывался молодой летчик. — Учусь традициям Чкалова...

— Чкалова! — всерьез рассердившись, передразнил его Котов. — Кру-у-гом! Шагом марш!

Все мы знали, что Котов любил Чкалова, преклонялся перед ним. Недаром фотография великого летчика лежала у него в планшете. И поминать всуе имя это не позволял никому.

Внешне Котов выглядел хмурым и угрюмым. Война крепко похлестала его. Он потерял в ней не только трех братьев, но и сына Юрика, который, съездив навестить отца в госпитале, простудился и умер от воспаления легких.

Но по своей природе Котов был оптимист. Бывало, после удачного полета, сидя в столовой в кругу друзей за фронтовой чаркой, играл на гитаре и пел:

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря.

Этот мрачный на вид человек был нежным сыном, мужем и отцом. Он с нетерпением ждал почту, и когда писем для него не было, уходил недовольный. Получив же весточку, весь расцветал и глаза его теплели.

Сам он письма писал почти каждый день.

В школе, занятой под общежитие, сладко спали летчики и техники после ночных полетов. Сухопарый дневальный с автоматом на плече мерно маршировал по коридору.

Котову что-то не спалось, и он вышел в коридор поку-
рить.

— Спали бы да спали, командир, — сочувственно сказал ему дневальный.

— Не спится, дружок. Старческая бессонница одолела, — пошутил Котов.

Дверь распахнулась. Вбежал запыхавшийся солдат:

— Объявляйте тревогу. Приказ командира полка. Сбор на КП!

Дневальный стал одну за другой распахивать двери классов:

— Тревога-а-а!

Слово «тревога» действовало магически. Все зашевелилось, затопало, закрутилось.

Командный пункт находился на аэродроме, расположенном на окраине села. Вскоре все собрались, расселись по скамейкам.

Командир полка Изосимов, сидящий за столом, приглашает командиров эскадрилий к себе. Они подходят и докладывают, что летно-технический состав готов к полетам.

— Хорошо, — говорит Изосимов и, обращаясь ко всем, ставит задачу. Предстоит днем, вот сейчас, пользуясь облачностью, бомбить передний край обороны противника, предпринявшего атаки на наши позиции. Пехотинцы срочно просят ночников пощекотать врага в дневное время.

— На задание пойдут лучшие экипажи. Будем бомбить вслепую из облаков. При разворотах прошу соблюдать осторожность, чтобы не столкнуться, — говорит Изосимов.

Экипажи намечены. Первое звено поведет Константин Котов, второе — Андрей Занин, третье — Андрей Виниченко, четвертое — Борис Цибулевский. Летчики, проложив маршрут, сделав расчеты, выходят на улицу. Пахнет весенней сыростью. Хмурые облака бродят по небу.

Полет, конечно, не из легких, думает Котов. Шутка ли появиться днем над линией фронта на фанерных самолетах. Но все ребята крещены в огне, испытаны в опасных переплетках и праздновать труса не будут. Он спокоен за себя и за других.

Самолеты рулят на старт, вспыхивает зеленая ракета — сигнал взлета. Приветно помахав рукой товарищам, Котов поднимает машину в воздух. Высота всего сто метров. Облака задевают крылья. Порывистый ветер подбрасывает машину, свирепо гонит в лицо клочья тумана.

Десять, пятнадцать минут полета в сером молоке. Но вот начинает светлеть. Облака поднимаются все выше и выше. Что за ерунда? Видимость стала совсем хорошей. Высотомер показывает уже шестьсот метров. Котов замечает растерянные лица. По метеосводке в районе передовой значится сплошная облачность. Где же она?

Всегда корректный штурман эскадрильи Степан Галанов на все корки честит метеорологов:

— Опять, ветродуи, подвели!

Развиднелось. Появляются «окна», в которые ультрамарином светит бездонное небо. Облака уже где-то высоко, и сквозь них пробиваются яркие солнечные лучи. А передовая уже рядом, полыхает заревом пожарищ, артиллерийскими и минометными вспышками.

Котов ощущает, как тревожно забилося сердце. Но о том, чтобы повернуть назад, не может быть и речи. На его смуглых щеках заходили желваки. Руки твердо направляли штурвал.

Высота тысяча двести метров. Окопы и траншеи врага как на ладони. Наша пехота заметила свои самолеты и выложила на снегу черные стрелы в сторону немцев. Транссирующие

пули и цветные ракеты указывают направление бомбовых ударов.

Внезапность на войне всегда большой козырь. Пока противник размышлял, что делать, были выиграны секунды, и вниз посыпались бомбы. Звено Котова, первым появившееся над врагом, не было даже обстреляно.

Заговорили зенитки. Светлое небо покрылось дымчатыми облачками и слепящими вспышками. Сильный, но беспорядочный огонь.

— Летим вперед, — азартно кричит Котов. Вслед за комэском устремляется его звено. Под плоскостями самолетов железнодорожная станция. На путях снуют паровозики, переставляя вагоны. Обреченно растянулись товарные составы. Галанов бросает последние бомбы. Внизу гремят взрывы, бушует пламя и в панике бегают люди. Летчики Андрей Занин, Николай Попов, Михаил Лебедев завершают разгром станции. Огненный смерч бушует внизу. Рушатся и горят дома, склады, вагоны, закручиваются рельсы на путях...

Разыгрался солнечный день. Но он уже не страшил ночных летчиков. Бомбовый удар сделал свое дело. Самолеты шли низко над передовой. По ним не стреляли. Наша пехота распоряжалась в первых линиях немецких траншей. Завидев самолеты, солдаты весело махали руками.

Дома летчиков встретили торжественно и тепло.

Как хотелось мне, рассказывая о Константине Котове, о его делах и свершениях, поставить здесь точку... Хотелось бы...

Но война есть война, и она не щадит даже самых хороших людей.

Прошла неделя. Утро было пасмурное. Возвращались машины из ночных полетов. Появился и самолет Котова. Машина подрулила к стартовой избушке, шум мотора смолк. Техники помогли Котову выбраться из кабины.

— Закурить, — хрипло попросил он.

Ему подали зажженную папиросу.

— Что с тобой, Константин Иванович? — спросили его.

— Сам не пойму. Ранили вроде. Мутит, — затягиваясь папироской, ответил он и медленно, с большим трудом пошел на КП. Тихо доложил:

— Товарищ майор, боевое задание выполнено.

— Немедленно в медпункт, — распорядился Изосимов.

...Смерть комэска потрясла всех. Константину Котову была отдана последняя воинская почесть: трижды прозвучали автоматные очереди. Затем над могилой был установлен деревянный обелиск с красной звездой.

Ночью полк снова летал бомбить врага.

ЗДРАВСТВУЙ, БОРИС!

В то лето я отдыхал в Одессе, нашем солнечном, прекрасном городе, где ласковое бирюзовое море, синее, радующее глаз небо. После купания присел на берегу в тени под густым зеленым платаном. По асфальтовой дорожке мимо потоком текли люди.

И надо же было случиться такому: увидел в толпе своего фронтового дружка. Среднего роста, черноволосый, в белой рубашке с засученными рукавами до локтей, в голубых джинсах и сандалиях на босу ногу, он шагал неторопливо.

— Борис! — окликнул я его. Он оглянулся и узнал меня. Мы крепко обнялись и расцеловались.

Это был летчик нашего полка Борис Цибулевский. Прошло столько лет после войны, а он был, как прежде, круглолицый, румяный, без единой седины в волосах. Правда, заметно располневший.

— Ах, пижон! — восклицал я, похлопывая его по спине ладонью. — Видать, время не властно над тобой!

Он добродушно улыбался.

— Ну, как жизнь?

Беспокойные волны грудились на берег, бормотали что-то ласковое и веселое. Мы вспоминали дни нашей тревожной юности, когда довелось нам воевать с фашистами на прославленных «королях воздуха» самолетах У-2.

Шестьсот боевых вылетов совершил Борис. Целое созвездие наград украсило его грудь: сверкающие ордена — Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, два ордена Красной Звезды.

Борис дослужился до подполковника и вышел в запас. Живет в Днепропетровске. Преподает военное дело в школе. Жена, тоже наша однопольчанка, работает в клинике. Сын учится в медицинском институте.

И пошел у нас обычный среди фронтовых друзей разговор: «А помнишь Подмосковье и Воронеж? А Курск и Орел? Не забыл Ленинградский фронт, Прибалтику?»

Нам было что вспомнить. Было о чем поговорить.

Коренастый, среднего роста, с румянцем во всю щеку, выбритый до синевы, черные волосы коротко подстрижены; на синей гимнастерке и брюках ни пылинки. Сапоги хромовые блестят.

Таким пришел к нам в полк Борис Цибулевский. «Пижон, — бросил кто-то из ребят. — Посмотрим, как летать будет».

Новичка не сразу выпустили на боевое задание. Сначала он летал по связи. Как-то пришлось ему выполнять задание в паре с командиром эскадрильи. Летели на бреющем вдоль линии фронта по овражкам, перелескам.

Комэск вел свой самолет на предельной скорости, лихо и с ветерком. Не отставал от него и новый летчик.

После полета скупой на похвалы Курочкин сказал: — Да ты, брат, совсем недурно летаешь.

С этого дня Борис оказался в доверии у комэска. А после того как Цибулевский слетал в тыл к фашистам, в его летных способностях и вовсе перестали сомневаться.

Было это весной. Аэродром раскис. Мы сидели на приколе. В штабе командира полка занимал представитель десантников, потрясая пачкой радиogramм.

— Ребята голодают. Боеприпасы на исходе.

— Ничем помочь не могу, — хмурился Изосимов, покашливая и нещадно дымя папиросой. — Видишь, какая погода.

О том, как выручить десантников, думали все. Но ничего путного в голову не приходило.

Неожиданно под вечер в штаб пришел Цибулевский.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — козырнул он командиру полка.

— Обращайтесь.

— Пригляделся. Рядом с аэродромом угорчик. По-моему, на нем можно устроить летную полосу. Из лесу натаскать туда снегу, пригладить, и ночью при заморозках знай летай себе.

— Узковата площадка, да и деревья на ней, — засомневался командир полка.

— Деревья срубим. Берусь с этой площадки летать, — сказал Цибулевский.

— Что ж, стоит попробовать, — подумав, согласился Изосимов.

На следующее утро на лесной поляне появились веселые «лесорубы» и лихие «коновозчики». Это летчики, техники и оружейники запряглись в деревянные сани с большими плетеными корзинами, нагребли в них снегу и с прибаутками и шутками тащили везы на площадку.

К ночи полоса была готова. Длина была как раз, а вот ширина, что называется, «впритирочку». А погода окончательно испортилась. Черные тучи затянули луну и стали прижиматься к самой земле.

— Взлетишь? — спросил Цибулевского командир полка.

— Взлечу, товарищ майор, — без колебаний ответил летчик.

— Вылет разрешаю, — сказал Изосимов.

Цибулевский и его штурман Кузьма Царенко заняли свои места. Белая ракета осветила летную полосу. Машина вздрогнула и, набирая скорость, понеслась по земле, потом как бы нехотя оторвалась от нее, стала подниматься.

Самолет идет у нижней кромки облаков. Внизу чернеют леса. Вот всполохами ракет, трассами пулеметных очередей обозначилась линия фронта.

Штурман приказывает:

— Заходи в облака.

Самолет врзается в сплошное темное марево и летит так пятнадцать минут. И снова команда штурмана:

— Выходи на чистое небо.

Самолет выныривает из облаков. В зеркало летчик видит смуглое худощавое лицо штурмана. На нем улыбка. «Ишь ты, проверил меня, умею ли летать вслепую». Осторожный командир полка дал ему в полет опытного напарника. Кузьма не раз бывал у десантников. Штурман немногословен, деловит, строго следит за курсом, не позволяет самолету уклоняться в сторону.

В свою очередь и штурман чувствует твердую руку на штурвале, видит широкую спокойную спину летчика, его уверенные жесты.

Время идет. Царенко все пристальней всматривается через борт в темноту, ищет знакомый ему лесок. И вот.

— Внимание. Приближаемся к цели, — говорит он в переговорный аппарат.

— Есть внимание, — отзывается летчик. Борис сдвигает с глаз очки и смотрит на карту. Территория, контролируемая десанниками, всего каких-нибудь пяток квадратных километров. Снижаться опасно. Но что делать? Он сбавляет обороты мотора. Самолет спиралью приближается к таинственной черной земле. Стрелка высотомера показывает триста... двести... сто метров. Внизу вспыхивают огоньки выстрелов. Стреляют немцы.

А в партизанском кругу еще темно. Проходит минута, другая, и загораются сигнальные костры. Летчик оглянулся. Царенко машет рукой: «Садись!», — и стреляет из ракетницы, подсвечивая.

Мгновение, и машина припала к земле, впилась лыжами в рыхлый талый снег и остановилась в конце поля.

Темные фигуры метнулись к самолету. Невольно Борис бросило в жар. Свои ли?

— Ура-а-а! Наши прилетели! — услышал он ликующие возгласы и, успокоившись, выбрался из кабины. Царенко уже крепко обнимался с высоким, дюжим мужчиной в меховой куртке.

— Борис, это Петров, командир отряда, — познакомил он. Петров дружески протянул летчику руку.

— Уж мы перестали вас ждать. Думали, основательно села авиация на прикол.

— Кто сел, а кто нет, — улыбнулся Борис.

Десантники уже привычно лезли на самолет, вытаскивали мешки с сухарями и колбасой, ящики с консервами, боеприпасы. Цибулевский с интересом смотрел на них. Он видел суровые лица и с добрыми улыбками, видел людей, разношерстно одетых, — кто в серых шинелях, кто в зеленой трофейной форме. Вооружены русскими и немецкими автоматами, на поясах пистолеты, ножи.

Петров протянул Борису кисет:

— Закуривай махры.

Цибулевский неумело скрутил сигарку, затянулся раз-другой, закашлялся. Не докурив, бросил самокрутку:

— Извините. Задерживаться долго нельзя, ночи короткие. Осмотрю площадку.

Глубоко проваливаясь в мокром снегу, Борис обошел полянку, с тревогой сказал:

— Здорово тает. Летим немедленно.

— А раненых возьмете? — с просьбой в голосе спросил Петров.

— Сколько их?

— Хотя бы двоих.

— Хм. Взлет трудный.

— Очень прошу.

Раненых принесли. Они лежали на носилках, тяжело дыша. У взглянувшего на них Цибулевского зашло сердце.

— Ладно, — согласился он.

Раненых разместили. Одного посадили в кабину вместе со штурманом, другого уложили в гаргрот. Десантники сгруппировались у самолета. Десятки рук тянулись к Царенко и передавали ему белые треугольники писем.

Надолго запомнился обоим летчикам тот взлет. Цибулевский еле-еле оторвал перегруженную машину у самой опушки леса.

После этого полета Бориса окончательно признали в полку «своим парнем», хотя он по-прежнему оставался таким же щеголем и франтом.

ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ ЗУШИ

Маленькая Зуша памятна каждому, кто воевал на Орловщине. Не велика речушка, а по ней проходил боевой рубеж. Немцы засели на высоком правом берегу. Наш же берег был низкий, болотистый.

Не раз пыталась наша пехота прорвать вражескую оборону, забраться на кручи, но нелегко это было сделать. Фашисты создали такую систему огня, что, казалось, не только человеку перебраться, но даже и птице не перелететь на правый берег.

В дни июльского наступления пехотинцы обратились к нам и попросили основательно проутюжить укрепления врага, подавить его доты и дзоты.

Утром начальник штаба, высокий, корректный Вавилов разбудил Цибулевского.

— Вставай, Борис, поедем на передовую.

На вездесущем «виллисе» они быстро домчали до штаба стрелкового полка. Побывали в землянке на командном пункте. Высокий рыжий штурман Михаил Бочкин быстро перенес на свою карту все необходимые пометки. Деревня Вяжи, от которой осталось одно пепелище, была превращена немцами в укрепленный плацдарм. Из дотов и блиндажей с мощными перекрытиями противник вел непрерывный огонь, не позволявший нашим войскам форсировать реку.

По ходам сообщений летчики пробрались в первую линию траншей и долго из биноклей наблюдали за противником.

Правый берег грозно владычествовал над всей округой. Виднелись зигзаги проволочных заграждений, бугры долговременных огневых точек, извилистые линии траншей. На нейтральной полосе, уткнувшись носом в землю, лежал искореженный штурмовик «Ил», немного не долетевший до дому. В лунках стояла ржавая вода.

— Придется бомбить фугасными сотками и с небольшой высоты. Нанесем массированный удар, — определил Вавилов.

— Хорошо бы для точности бомбежки указывать нам цели трассирующими пулями и ракетами, — предложил Цибулевский.

— Договорились, — согласился командир стрелкового полка.

Пришла звездная теплая ночь. Загудело небо от самолетов. Весь полк вылетел на бомбежку Вяжей. Немцы пробовали было огрызаться. В воздухе замелькали цветные трассы. Стреляли из всех видов оружия, били зенитная артиллерия, винтовки, автоматы. Как светлячки, вокруг самолетов носились трассирующие пули.

Но летчики упрямо делали свое. Столбы земли и камня, целые бревна взлетали на воздух. Рвались боеприпасы, поднимая огненный смерч. От собственных бомб взрывной волной наши самолеты швыряло как щепки. У многих машин была продырявлена обшивка.

Жаркая была эта ночь. Все работали в полку с максимальной нагрузкой. Оружейники торопливо подвешивали бомбы. Без отдыха и перекура летали экипажи.

Многие летчики, еще планируя на посадку, с воздуха кричали.

— Бомбы! Бомбы!

В эту ночь летчики полка сделали свыше сотни боевых вылетов. Наша доблестная пехота утром овладела деревней Вяжи.

Путь на Орел был открыт.

«Борис-джан» — так первым стал величать своего командира заместитель комэска армянин, бывший начальник шахты Сурен Саркисов. Этим он отдавал дань уважения Цибулевскому.

Саркисов до войны окончил аэроклуб и не сразу попал в нашу часть. На первых порах командование полка побаивалось выпускать Сурена на боевые полеты, а Цибулевский много и терпеливо тренировал его, летал с ним в паре и дал, к радости Сурена, путевку ему во фронтовое небо.

Когда же впервые Сурен сказал свое ласковое «Борис-джан»?

Как-то у партизан вынужденно сел летчик эскадрильи. К нему на выручку полетел сам командир. В районе Идрицы самолет обстреляли. Борис заподозрил, что у них пробит бензобак. После того как они миновали зону огня, он проверил по приборам наличие горючего. Остаток бензина был такой, что нечего думать о продолжении полета.

Цибулевский приземлил самолет на белеющее снежной целиной поле. Стал осматривать бензосистему. Пробоина была чуть выше днища. До нее весь бензин вытек.

Со штурманом Лозовым они посидели в кустах, покурили, обсудили обстановку и определили, что место посадки находится во владении партизан.

Чуть рассвело. По опушке леса пошли к ближайшей деревушке. Подобрались к первой хате. Постучали тихонько в окно. Вышла старушка в накинутом пальто.

— Чего, родименькие?

— Мать, в вашей деревне партизаны?

— Что вы, сыночки, у нас сплошь немчура, а партизаны эвон там, — махнула она рукой в сторону леса, из которого они пришли.

Цибулевский с Лозовым невольно переглянулись.

— Ты, мать, молчи. О нас никому ни слова, — попросил Цибулевский.

— Понимаю, сынки, понимаю. Разе я беспонятная, — закивала старушка.

Бегом, что есть сил, ринулись они к лесу. Снег был глубокий, рыхлый и попадал в унты. На опушке свалились, жадно глотая воздух. Отдыхались, вытряхивали снег, налезший в унты.

— А вдруг у самолета засада? — сказал Лозовой. — Схватят как куренков.

— Я пойду первым к самолету, — сказал Цибулевский, — вскочу в кабину, и если все в порядке, подбежишь ты, провернешь винт. Я запущу двигатель, а ты за крыло развернешь самолет и вскочишь в кабину. А пока прикрывай меня.

Но никто о них еще не узнал. Они беспрепятственно прогрели мотор и взлетели.

Сквозь редкий лес виднелась дорога. По ней ползли автомашины.

— Немцы, — сказал Лозовой. — Шуганем?

— Что за детский вопрос?

Лозовой дал длинную очередь из ШКАСа. Колонна остановилась. А «рус-фанер», посеяв панику, бредущим нырнула в глубокий овраг и запетляла по нему.

Вскоре показалась сгоревшая деревушка. У колодца доставал воду парень, одетый в черную стеганку. Около него стояла пегая лошадь.

— Борис, это партизан! — крикнул штурман.

Цибулевский приземлил машину, быстро выскочил из кабины и подошел к парню.

— Слушай, браток, далеко ли до вашего лагеря? — напрямую спросил Цибулевский.

— Какого лагеря? Кто вы такие? — подозрительно поглядывая на него, спросил в свою очередь парень. Его настроенность была вполне закономерной. Никогда еще днем к партизанам никто не прилетал.

— Да свои мы, елки-палки. Вынужденно сели. Горючка вся вышла, — серьезно отвечал Цибулевский. — Свои, не сомневайся.

Парень еще подумал, затем решился.

— Идемте...

Держа лошадь под уздцы, он вел ее и рассказывал, что сначала крепко струхнул, увидев людей, которые на такой «стрекозе» разгуливают днем.

Вскоре летчики были в объятиях своих друзей. В землянку, где их разместили, пришел летчик Иванов из эскадрильи связи, который сидел у партизан вынужденно, ожидая техпомощи. Его самолет был сильно побит.

— Возьмите мою горючку, — обрадовался он.

Отдохнув, летчики пошли к самолету. Заделали дыру в бензобаке, подготовили машину к вылету. С наступлением темноты распрощались с гостеприимными хозяевами и втроем вылетели домой.

На подходе к аэродрому они увидели непрерывную серию ракет. Темное небо озарялось белыми вспышками.

— Ждут нас. Тревожится братва, елки-палки, — сказал Цибулевский, улыбаясь.

Это старался из всех сил, пускал ракеты Сурен Саркисов. Он не уходил со старта с прошлой ночи.

Его уговаривали:

— Сурен, Цибулевский не такой человек, чтобы не возвратиться. Напрасно тревожишься. Шел бы спать.

— Я не уйду со старта, пока не увижу своего командира, своего Бориса-джан! — твердил он.

Когда самолет показался над аэродромом, вспыхнула новая серия ракет. Это без договоренности все присутствующие дали салют в честь возвращения своих боевых друзей.

— О, Борис-джан! — восторженно восклицал Сурен, обнимая и целуя своего командира.

Мне вспомнилось только несколько боевых эпизодов из жизни Бориса Цибулевского. Я бы мог рассказать о нем куда как больше.

Враги на собственной шкуре убедились, что У-2 опасные и грозные машины. Один из тех, кто убедил врага в этом, был Борис Цибулевский. Он лихо и мастерски летал на этих самолетах. Он показал летный талант, крепкую хватку и большое мужество.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Давно отгремела война. Советская армия отстояла независимость нашей страны. Мирное солнце светит нам.

Но память о военных годах нетленна. Мы не можем забыть величайшей битвы с фашизмом, не можем забыть своих военных путей-дорог.

Наш 701-й авиаполк прошел большой путь от Подмосковья через огненную Курскую дугу и до Прибалтики. За участие в освобождении столицы Латвии Риги ему было присвоено звание «Рижский».

Мои друзья-однополчане с честью выдержали жестокое испытание войной. Немало летчиков погибло в боях. Отдали свою жизнь ради мира на земле Григорий Петялин, Анатолий Казаков, Дмитрий Журавлев и многие другие из моих друзей.

А тем, кому выпало счастье жить, достойно несут трудовую вахту на фронтах пятилеток. Отважный летчик Михаил Лебедев много лет работает в гражданской авиации. Сейчас он начальник аэропорта в Ульяновске. Его штурман Павел Рожин возглавляет колхоз на Кубани. Летчик Павел Банных — начальник учебно-тренировочного отряда ГВФ в Свердловске. Летчик Борис Амстибовский преподает физику в одном из ПТУ Москвы. Летчики Василий Протасов и Аркадий Атепалихин работают мастерами на заводе стекловолокна в Полоцке. Летчик Николай Сибиряк трудится конструктором в одном из КБ города Киева. Летчик Сурен Меликов работает фотолаборантом в Кисловодске. На заслуженном отдыхе летчики Борис Цибулевский, Константин Бердников, штурманы Кузьма Царенко, Юрий Сазонов...

Жаль, что быстро редуют ряды ветеранов. Смерть унесла из жизни нашего начальника штаба, генерал-майора Николая Вавилова, Андрея Виниченко, Владимира Слука, Андрея Занина, Ивана Дудрова...

После войны у нас было несколько теплых, дружеских встреч в дни празднования Победы в Киеве, Полоцке, Пскове, Риге. Мы вспоминали свои фронтовые дела, погибших товарищей и поднимали тосты за них, и за ныне здравствующих, а также за то, чтобы вечно царили на планете Земля — Мир, Братство, Труд. И, конечно, всегда пели любимую всеми песню:

День Победы —
Как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты обгорелые в пыли, —
Этот день мы вспоминали как могли.

Победа советского народа была высоким рубежом истории. Хватит войн! Мы твердо верим, что здравый смысл и воля честных людей победят мракобесов, мечтающих о новых войнах.